

Серафим (Тяпочкин Дмитрий Александрович)

Серафим (Тяпочкин Дмитрий Александрович) (1894-1982) архимандрит, на время ареста - священник о. Дмитрий

1894, 14 августа. — Родился в городе Новый Двор Варшавской губернии в дворянской семье. Отец – Тяпочкин Александр Иванович (1861–1913), отставной полковник. Мать – Тяпочкина Элеонора Леонардовна (1869–1930), дочь премьер-министра польского правительства.

1900-е гг. — Переезд семьи в Екатеринослав (ныне Днепропетровск), работа отца начальником почты и телеграфа.

1901. — Досрочный прием Дмитрия в Варшавское духовное училище.

1911. — Поступление в Холмскую Духовную семинарию.

1914. — Эвакуация Холмской Духовной семинарии в Москву.

1917. — Окончание семинарии по первому разряду, поступление без вступительных экзаменов в Московскую Духовную академию (Троице-Сергиева лавра). Знакомство с преподавателем академии отцом Павлом Флоренским.

1919, весна. — Закрытие академии, возвращение в Екатеринослав. Работа учителем географии в школе села Михайловка Екатеринославской области. Заболевание тифом.

1920, 18 октября. — Рукоположение в диакона, а затем – в пресвитера.

Женитьба. Жена – Антонина Викторовна Тяпочкина, преподаватель математики. Рождение пятерых детей.

1932. — Смерть двух сыновей от голода и болезни.

1933. — Смерть жены от туберкулеза.

1921–1936. — Служение в церквях Солонянского района Днепропетровской области.

1930-е гг. — Закрытие храма в селе Михайловка, тайное служение на дому.

1941, 25 апреля. — Арест, обвинение в тайном служении и участии в антисоветской повстанческой организации.

1941, 15 августа. — Осуждение Днепропетровским областным судом на 10 лет ИТЛ с последующей ссылкой. Этап в Казахстан, в Степлаг. Принятие побоев, горя и лишения как милости от Бога. Продолжение тайного пастырского служения в лагере.

1951. — Направление на 5 лет в ссылку в Игарский район Красноярского края, на полустанок Денежск. Жизнь без работы и средств к существованию;

помощь продуктами посылками его бывших прихожан.

1955. — Отмена ссылки. Возвращение в Днепропетровск с отбитыми почками, пораженными внутренними органами, хронической простудой с удушающим кашлем. Служение в селе Верхний Токмак Черниговского района Запорожской области, затем в селе Михайловка.

1960, начало. — Настоятель Свято-Троицкого собора в Днепропетровске.

1960, 7 июня. — Ложное обвинение властей в антикоммунизме, удаление о. Дмитрия из собора, выселение из города.

Восстановление права служить, назначение в Белгородскую область (деревня Соколовка Корочанского района, храм Успения Пресвятой Богородицы, примерно в 40 км от Белгорода).

1960, 31 октября. — Пострижение протоиерея Дмитрия в монашество с именем Серафим, продолжение жизни в миру в деревне Соколовка.

1961. — Возведение в сан игумена.

1961, октябрь. — Перевод из-за гонений местных властей в поселок Ракитное в заброшенный храм Святителя Николая. Разрешение властей служить в будни только по ночам, а в воскресные дни до 9 утра. Работа по восстановлению храма. Запрет властей на

приезд паломников как нарушителей паспортного режима.

1962, январь. — Указание секретаря епархиального управления служить только в воскресные и праздничные дни.

1970. — Возведение в сан архимандрита.

1974. — Получение права ношения второго креста.

1977. — Награждение церковным орденом Святого князя Владимира третьей степени.

1980. — Награждение церковным орденом Преподобного Сергия Радонежского третьей степени.

1982, 19 апреля. — Скончался архимандрит Серафим. Мероприятия властей по ограничению паломничества на его похороны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Детские и юношеские годы ... (стр. 13)

Рукоположение. Служение Церкви в священном сане ... (стр. 20)

Закрытие храма. Арест и ссылка ... (стр. 23)

Возвращение из ссылки. Чудо Куйбышевского "стояния Зои" ... (стр. 33)

Служение в Свято-Троицком кафедральном соборе в г. Днепропетровске ... (стр. 49)

Назначение в Курско-Белгородскую епархию.

Монашеский постриг ... (стр. 52)
Перевод в Свято-Никольский храм ... (стр. 57)
Восстановление храма ... (стр. 59)
Гонения продолжаются ... (стр. 76)
Любовь к богослужению ... (стр. 80)
Проповедник Истины ... (стр. 85)
Батюшка пребывал в подвиге до конца своих дней ...
(стр. 95)

*Дивен Бог во святых Своих.
(Пс. 67, 36)*

Детские и юношеские годы

Архимандрит Серафим (Тяпочкин) родился 1/14 августа 1894 года в городе Новый Двор Варшавской губернии (Варшавская губерния в тот период входила в состав царства Польского, которое по решению Венского конгресса 1815 года было присоединено к России, вплоть до августа 1816 года. Управленческий аппарат состоял как из чиновников-поляков, так и из русских), в благочестивой дворянской семье. Во святом крещении младенец был наречен Димитрием, в честь великомученика Димитрия Солунского (память 16 окт./8 ноября). Его отец, Александр Иванович Тяпочкин (1861 г. рождения), надворный советник, отставной полковник, бывший командир полка, служил начальником почты и телеграфа в городе Екатеринославе. (Город Екатеринослав с 1926 года стал называться Днепропетровском.) Мать, Элеонора Леонардовна Тяпочкина (1869 г. рождения, в девичестве Маковская, в православном крещении

— Александра), дочь премьер-министра польского правительства, вела свое происхождение от богатого и знатного рода. Одна из двух ее сестер, Полина, была замужем за генералом Осетровым. Супруги жили в Ялте при императорском Ливадийском дворце. Двое братьев пребывали в Варшаве и одно время занимали важные государственные посты в польском правительстве (уже после 1918 г.). Один был премьер-министром, другой — министром сталелитейной промышленности Польши (до 1939 г.).

Родители Дмитрия были людьми благочестивыми и богобоязненными, отличались душевной теплотой, любовью к Богу и ближним. Господь послал им шестерых детей — троих сыновей и трех дочерей. Дмитрий был последним ребенком в большой и дружной семье Тяпочкиных. Уже в детстве было очевидно для окружающих Божественное благоволение к этому избраннику. С детства Дмитрий полюбил храм и часто убегал с занятий на богослужения. «На деньги, данные для обеда в школе, — вспоминает его сестра Надежда Александровна, — он покупал свечи в храме». Пример добродетельной жизни родителей, их стремление памятовать о Боге, ходить пред лицом Его не могли не повлиять благотворно на впечатлительный ум и чистую душу отрока Дмитрия.

В роду Тяпочкиных не было ни одного священнослужителя, отец Серафим был первым. Его старший брат, Константин, служил в кадетском корпусе при императоре Николае II и был расстрелян

большевиками в 1922 году. Второй брат, Александр, также погиб в смутное революционное время. Сестры Мария и Елена стали врачами, а Надежда — домохозяйкой, воспитывала своих детей.

Отец семейства, Александр Иванович, скончался после болезни в 1913 году, а мать, Александра Леонардовна, умерла в 1930 году. После смерти отца семья переезжает в Брест и проживает в крепости. Во время Первой мировой войны, когда немцы приблизились к Бресту они возвращаются в Екатеринослав.

В 1901 году, в семь лет, Димитрий был досрочно принят в Варшавское духовное училище. С юного возраста мальчик чувствовал зов Божий и свое священническое призвание, впоследствии старец Серафим вспоминал, как однажды отец взял его на богослужение, в котором принимали участие ученики духовного училища: "Это богослужение глубоко запало и мою детскую душу, я просил отца определить меня на учение в духовное училище. Желание мое было исполнено".

1903 год — время прославления преподобного Серафима Саровского — девятилетний Димитрий запомнил на всю жизнь. Уже в пять лет он прочел житие старца Серафима и на протяжении всей своей жизни любил и почитал преподобного Серафима как своего небесного покровителя, постоянно чувствуя благодатную связь с ним.

В 1911 году, испросив благословения родителей, Димитрий поступил в Холмскую Духовную семинарию¹, где окончательно утвердился в стремлении к пастырскому служению.

1 Холмская Духовная семинария (в Люблинской губернии царства Польского) была открыта в конце XIX в., после воссоединения части униатских приходов с Православной Церковью (1875 г.). Одним из первых ректоров семинарии был епископ Тихон (Белавин), будущий Святейший Патриарх Московский (1-1925), его преемником был один из знаменитых в будущем деятелей Русской Церкви в эмиграции, митрополит Евлогий (Георгиевский; † 1948).

Инспектором семинарии был игумен Вениамин (Казанский), будущий митрополит Петроградский, священномученик, ныне прославленный в лике святых (1991 г.). Их стараниями Холмская семинария стала духовным центром Православия в западном регионе России. В семинарии Димитрий учился вместе с Антоном Гагалюком, († 1938), ныне прославленный как священномученик в лике святых (1993 г.)

Будучи учащимся семинарии, Димитрий был серьезен, молчалив, избегал любых праздных разговоров, не участвовал в развлечениях и розыгрышах семинаристов, больше любил читать под партой Евангелие, за что его звали «монахом». Такая настроенность способного, преуспевающего в учебе, глубоко верующего, скромного, склонного к аскетизму юноши не укрылась от взоров окружающих. «Меня приблизил к себе преподаватель семинарии —

иеромонах Даниил¹, родной брат инспектора Московской Духовной академии, тогда архимандрита, Илариона (Троицкого)²; меня принял под духовный отеческий кров незабвенный отец - ректор семинарии архимандрит Серафим³ — вспоминал батюшка. Ректор полюбил богобоязненного юношу и оказал благотворное влияние на его духовное формирование.

1 Иеромонах Даниил (Троицкий; 1887—1935) в 1913 г. окончил СПб Духовную академию. В 1921 г. — хиротонисан во епископа Волховского, викария Орловской епархии. Арестован в апреле 1926 г. В 1928 г. освобожден без права жительства в 6 городах СССР. С 3 января 1934 г. — архиепископ. Умер в 1935 г. в Брянской тюрьме от тифа.

2 Архимандрит Иларион (в миру Владимир Троицкий; 1886 — 1929) — профессор, инспектор, и. о. ректора Московской Духовной академии, впоследствии архиепископ Крутицкий. В 1920 г. арестован, с 1922 по 1926 г. — в Соловецких лагерях. В 1929 г. переведен в Петербургскую пересыльную тюрьму, где скоропостижно скончался (ныне прославлен в лике святых).

3 Архимандрит Серафим (Остроумов; 1880—1937) родился в семье псаломщика в Москве. В 1904 г. окончил МДА и пострижен в монашество; с 1906 г. — наместник Яблочинского Св. Онуфриевского монастыря Холмской епархии. В 1914 г. назначен ректором Холмской семинарии, в 1916 г. рукоположен во епископа Белы Холмской, с 1917 по

1924 г. - епископ Орловский, а с 1927 г. - архиепископ Смоленский. Расстрелян 28 ноября 1937 г.

В связи с началом Первой мировой войны, Холмскую Духовную семинарию эвакуировали в Москву.

С 1917 года был введен такой порядок: студентов, окончивших Духовные семинарии, светские средние и высшие учебные заведения по I и II разряду, принимали в Духовную академию без экзаменов.

В 1917 году по окончании семинарии по первому разряду Димитрий продолжил учебу в Московской Духовной академии — в одном из крупнейших центров духовного образования России, оказавшей огромное влияние на развитие религиозной и философской мысли.

Время, проведенное в Троице-Сергиевой лавре, где находится Московская Духовная академия, оставило неизгладимый след в его сердце. Любовь к обители Преподобного Сергия и ее святыням отец Серафим пронес через всю жизнь. Димитрий хорошо знал древнееврейский язык и, учась в академии, подрабатывал репетиторством, получая в те голодные годы за урок только ужин. С большой теплотой отец Серафим вспоминал преподавателей академии, среди которых был отец Павел Флоренский. Его фотография висела рядом с фотографией епископа Игнатия Брянчанинова в келье старца. В последние годы своего дореволюционного существования (до закрытия в 1919 г.) Московская Духовная академия находилась в зените своей славы. Здесь преподавали

такие знаменитые профессора, как епископ Феодор (Поздеевский)¹, С.С. Глаголев, отец Павел Флоренский, И.В. Попов, архимандрит Иларион (Троицкий)², будущий священномученик, ныне причислен к лику святых, Д. Введенский, С.И. Соболевский и др. Яркими событиями в жизни академии 1917—1918 годов были оживленные диспуты при защите магистерских и докторских диссертаций, блистательная лекция архимандрита Илариона в защиту патриаршества, посещение вновь избранным Святейшим Патриархом Тихоном академии и совершение им богослужения в Покровском академическом храме.

1 Феодор (Поздеевский; 1876—1937), архиепископ Волоколамский, в 1909 г. — ректор Московской Духовной академии, с 1917 г. управляя Даниловым монастырем, где читал курс аскетики в Высшей богословской школе (после закрытия МДА). С 1925г. — в ссылке, расстрелян в Ивановской тюрьме (ныне прославлен в лике святых).

2 Архимандрит Иларион (в миру Владимир Троицкий; 1886-1929) — профессор, инспектор, и.о. ректора Московской Духовной академии, впоследствии архиепископ Крутицкий. В 1920 г. арестован, с 1922 по 1926 г. — в Соловецких лагерях. В 1929 г. переведен в Петербургскую пересыльную тюрьму, где скоропостижно скончался (ныне прославлен в лике святых).

1918 год начался для всех верующих грозными событиями. Декретом Совета народных комиссаров Церковь была отделена от государства, а школа — от

Церкви. Во всех учебных заведениях отменялось преподавание Закона Божия, из них выносили иконы, ликвидировали домовые церкви. Повсеместно закрывали духовные учебные заведения. Занятия в академии продолжались до Великого поста 1919 года, а затем студенты были распущены.¹

Димитрий Тяпочкин вернулся в Екатеринослав. В селе Михайловке Екатеринославской области ему предоставили место преподавателя географии. Там он познакомился со своей будущей супругой Антониной, преподавательницей математики. Родители ее были благочестивые христиане, происходили из дворянского рода. Они с радостью благословили свою дочь выйти замуж за будущего священнослужителя. Намеченная свадьба не состоялась: Димитрий заболел тифом и проболел целый год. Они венчались только в 1920 году.

Рукоположение. Служение Церкви в священном сане

...Кто хочет идти за Мною,
отвергнись себя и возьми
крест свой и следуй за Мною.
(Мк. 8, 34)

18 октября 1920 года епископ Евлампий¹, викарий Екатеринославской епархии, рукоположил Димитрия во диакона, а в день памяти святого апостола и евангелиста Луки, — во пресвитера. Хиротония была совершена в Тихвинском женском монастыре города Екатеринослава.

*1 Епископ Евлампий (Краснокутский; † 1922)
пострижен в монашество из вдовых протоиереев и
возведен в сан архимандрита в 1914 г., в 1917 г.
рукоположен во епископа Александровского. Викарий
Екатеринославской епархии до 1921 г.*

Пастырское служение отец Димитрий проходил в Екатеринославской епархии в смутное время, в обстановке гонений на Церковь и расколов. Оно осложнялось и многими скорбями в его семейной жизни. Насколько трудным было для молодой четы это время, говорит тот факт, что двое сыновей (в 1932 году) один за другим в возрасте до двух лет умерли от голода и болезни. Это было тяжелым испытанием для любящих родителей. У них родились также три дочери: Нина, Людмила и Антонина. Старшая дочь Нина (1921-1994 г.) впоследствии работала в больнице главврачом. Людмила (1924-1995 г.) была медсестрой. Младшая, Антонина, сейчас на пенсии, живет в Житомирской области.

В 1933 году от туберкулеза скончалась любимая супруга отца Димитрия, Антонина Викторовна. Батюшка в больнице приобщил ее Святым Христовых Тайн. На его попечении остались три дочери подростка.

С 1921 по 1936 год отец Димитрий состоял благочинным церковей Солонянского района Днепропетровской области. Это были годы самой жестокой борьбы безбожной советской власти с Церковью. Повсеместно происходили осквернение

святынь, разрушение храмов и обителей, гонения на священнослужителей. Впоследствии старец вспоминает, что в то тревожное время, когда хитон Церкви был раздираем также обновленчеством, самосвятством и другими расколами различных направлений, он деятельно боролся с ними, отстаивая чистоту православного учения, и вел вверенную ему паству по пути, проложенному Святейшим Патриархом Тихоном. Как говорил сам батюшка, Святейший Патриарх поручил ему — благочинному изымать антимины из закрытых церквей, захваченных живоцерковниками¹. Он говорил: «Я замечал, что с ними невозможно бороться, и изымал антимины из захваченных ими церквей». За это миссионерское служение он был награжден Святейшим Патриархом Тихоном Патриаршей грамотой.

1 Живоцерковники — сторонники одного из обновленческих течений — члены так называемой «Живой Церкви».

В своих воспоминаниях об отце Серафиме Высокопреосвященный Никодим, митрополит Харьковской и Богодуховской, пишет: «Архимандрит Серафим (Тяпочкин) рассказывал в середине 1970-х годов архимандриту Геннадию, впоследствии схиархимандриту Григорию (Давыдову) о тех трудностях, которые встречались отцу Серафиму, когда он служил в Днепропетровской епархии в 20-е годы XX столетия, упоминая имя Елисаветградского архипастыря Онуфрия (Гагалюка)². Владыка Онуфрий призывал к себе священнослужителей и просил их

сохранять веру православную, не поддаваться на различные провокации и соблазны. Через шесть дней владыка Онуфрий был арестован и заключен вначале в Одесскую тюрьму, а затем был переведен в Днепропетровскую, где отец Серафим встречался с владыкой Онуфрием и просил молитв у святителя на стойкость и сохранение веры православной в это тяжкое время.»

2 Архиепископ Онуфрий (Антон Максимович Гагалюк) род. 1889 г. в Люблинской губернии (Польша). Окончил Холмскую Духовную семинарию. В семинарии учился с Димитрием Тяпочкиным. В октябре 1913 г., учась в СПб ДА, принял монашеский постриг и был рукоположен в иеродиакона, а в декабре в иеромонаха. 23 января 1923 г. хиротонисан во епископа Елисаветградского. 29 января арестован. С 1923 по 1926 г. в ссылке в г. Харькове. В 1926 г. вновь арестован и выслан в ссылку на Урал. С 1929 г. — епископ Старооскольский и Обоянский. В 1933 г. арестован. С 1933 г. по 1935 г. — архиепископ Курский и Рыльский. В 1935 г. арестован и выслан в ссылку на Дальний Восток. 1 июня 1938 г. расстрелян в Благовещенской тюрьме. (См. книгу «Священномученик Онуфрий (Гагалюк)», иеродиакон Софроний (Макрицкий). ООО «Техинвест-3», М.: 2003 г.

Образованный, ревностный и любимый народом отец благочинный обратил на себя внимание гонителей Церкви. В 1922 году на Крещение Господне, после литургии, отца Димитрия попросили совершить освящение воды в соседнем храме, сказав, что настоятель этого храма заболел. Ничего не

подозревая, отец Димитрий сел в бричку и поехал в соседнее село, дорога к которому вела через мост. Не доезжая моста, лошади вдруг понесли со страшной силой, их невозможно было остановить. Чтобы не упасть, отец Димитрий лег на дно брички.

Неожиданно раздались крики: «Стой! Стой» — и послышались выстрелы. Стреляли в направлении брички. Но она катила так быстро, что бандиты не смогли попасть в цель. Приблизившись к храму, лошади сами замедлили бег и остановились.

Оказалось, что священник этого храма за сутки до праздника Богоявления был арестован ГПУ. Целью же тех, кто послал за отцом Димитрием, было расправиться с ним по дороге. Но Господь сохранил Своего верного служителя.

Как вспоминает Михаил Корнеевич Баденко из Никополя, в 1923 году отца Димитрия направили в село Токмаковку. Узнав, что там есть служащий священник, он сказал, что не сможет принять приход, «на живое место» не пойдет. В другом храме, захваченном «живоцерковниками», которые подчинили себе местного священника, отец Димитрий выступил с проповедью в защиту Православной Церкви и Патриарха Тихона. Говорил он открыто, смело, так просто и убедительно, что перед всеми раскрылась сомнительная и пагубная деятельность обновленцев. Их тут же разогнали, а прежний священник по требованию прихожан принес публичное покаяние за проявленное малодушие. Впоследствии, когда отцу Серафиму нужно было в каких-нибудь анкетах, церковных и светских,

отвечать на вопрос: «Состоял ли в обновленческом расколе?» - он всегда отвечал: «Никогда».

Закрытие храма. Арест и ссылка

...Пастырь добрый полагает
жизнь свою за овцы своя.
(Ин. 10, 11)

В тридцатые и сороковые годы продолжались массовые аресты и расстрелы духовенства, закрывались храмы. До 1 марта 1930 года подверглись арестам и ссылкам 177 православных епископов. К концу так называемой «безбожной пятилетки», в 1937 году, на свободе осталось всего семь епископов Русской Православной Церкви. Атеистическое государство поставило перед собой цель покончить с религией на территории СССР. ...Из числа поименно известных в лике новомучеников и исповедников российских прославлены 1478 пострадавших за веру. В том числе белгородские святители-новомученики: архиепископ Онуфрий, епископ Никодим (Кононов)¹, епископ Антоний (Панкеев)²...

1 Епископ Никодим (Александр Михайлович Кононов). Род.: 1871 г. в семье священника в Архангельской губернии. В 1892 г. окончил Духовную семинарию и поступил в СПбДА. В феврале 1896 г. пострижен в монашество и рукоположен в сан иеродиакона, в апреле в сан иеромонаха. Кандидат богословия. С 1917 г. — магистр. С 17 августа 1896 г. смотритель СПб Александра-Невского Духовного училища. С 1901

г. — архимандрит. С 1904 г. — ректор Калужской духовной семинарии. С 1909 г. ректор Олонецкой Духовной семинарии. В 1911 г. хиротонисан во епископа Рьльского, 2-го викария Курской епархии. С 1913 г. — епископ Белгородский. Арестован в 1918 г. 10 января 1919 г. расстрелян. (Ныне прославлен в лике святых.)

2 Епископ Антоний (Василий Александрович Панкеев). Род.: в 1892 г. в Херсонской губернии в семье священника. В 1912 г. окончил Одесскую Духовную семинарию, а в 1917 г. СПбДА. В 1915 г. принял монашеский постриг и рукоположен в сан иеродиакона, затем иеромонаха. С 1917 г. — игумен и преподаватель Одесской Духовной семинарии. В 1926 г. арестован. С 1926 по 1933 г. в заключении в Соловецком лагере. С 1933 г. по 1935 г. — епископ Белгородский. 25 февраля 1935 г. вновь арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы и отправлен в Дальневосточный лагерь Хабаровского края. 1 июня 1938 г. расстрелян в Благовещенской тюрьме. (Ныне прославлен в лике святых.)

Отца Димитрия арестовывали много раз, но, допросив и предупредив, отпускали. Он был взят на учет органами ГПУ за то, что пользовался большим авторитетом среди духовенства и верующих.

Однажды отцу благочинному предложили закрыть храм. Отец Димитрий ответил: «Мой долг не закрывать, а открывать храмы». Ему пригрозили: «Понимаете, чем для вас это может кончиться?!» «Это мне не страшно, — смиренно сказал батюшка, — не

бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить, а бойтесь более Того, Кто может и душу, и тело погубить в геенне» (Мф. 10, 28).

Когда закрыли храм в селе Михайловке, где служил отец Димитрий, он, верный своему пастырскому долгу, тайно совершал литургию дома, тайно крестил, исповедовал, венчал, причащал больных, отпевал. В этих условиях нужно было учиться совершать Божие дело тайно, и оно совершалось подпольной церковью. Об этом донесли властям, и ему пришлось скрываться. Однажды он даже прятался в поле. Отец Димитрий переехал в другое село и продолжал служить тайно. Слежка продолжалась. Дочь, Нина Дмитриевна, вспоминала, как приходили к нему по ночам люди из разных мест, и он уходил с ними в дальние селения, пробираясь оврагами, чтобы исполнить требы. Иногда его не было три-четыре дня, и дети сидели в холоде, голодные, боясь выйти из дома.

В те времена много плохих людей бродило по селам, банды были всякие, грабежи, убийства, по ночам стрельба и взрывы, везде кровь и слезы. На дорогах лежали трупы людей и животных, сожженные дома, атмосфера полного уныния и безнадежности.

Отец Димитрий оставался духовным отцом многих своих чад. Он не отошел от церковного служения, как это сделали шесть пастырей его благочиния, уйдя на светскую работу бухгалтерами, рабочими, служащими, даже отрекались от Бога через газету. Он

один остался верен своему пастырскому призванию, хотя не раз ему говорили, что это опасно, он отвечал: «Мне это благочиние вручил Господь через епископа, всегда служить — мой пастырский долг, а трудно сейчас всем».

В 1939 году, чтобы прокормить семью и помогать ближним, батюшка устроился через знакомых ночным сторожем на железнодорожном топливном складе в Днепропетровске. Жил он, вспоминает духовная дочь батюшки схимонахиня Ермогена (Денисенко), у моей бабушки Пелагеи (она родная сестра Мавры) в селе Карнауховке, Днепропетровского района. Помню, батюшка молится и бабушка Мавра говорит: «Батюшка, скоро поезд», а он не торопится, все молится, перекрестится и идет на остановку, я не знаю, как он не опаздывал на пригородный поезд. На угольном складе отец Димитрий проработал год. Ночью в сторонке продолжал тайно совершать службы с преданными ему людьми. В это время жил он у нас на квартире в поселке Гаромске, где и был арестован.

На следствии ему перечислили все тайные места его служения, начиная с 30-х годов. В 1941 году по статье 54 Украинского Уголовного кодекса он был осужден на десять лет. Три дочери батюшки, двадцати, восемнадцати и пятнадцати лет, остались с его духовной дочерью Маврой. Крестный путь отца Димитрия начался в одном из казахстанских лагерей¹.

1 Казахстан в 30-х и 40-х годах нашего столетия

сделался краем мучеников. Как на севере были Соловки, так на юге был Казахстан. Столица Казахстана город Верный, теперь переименованный в Алма-Ату, был пересыпным пунктом ГПУ, куда отправляли заключенных со всей страны. Кого гнали этапом по степям, кого привозили в поездах. Многие погибали от жары, зимой — от холода. Край с необъятными степями, безлесый и безводный, с морозами до 60 градусов был заселен с 1925, 1929, 1930 и 40-х годов ссыльными украинцами и жертвами «чисток». Наиболее тяжелой лагерной работой была добыча угля и руды в Караганде. Для каждого ссыльного это слово звучало угрозой — живыми оттуда не возвращались. Бесчисленные сонмы новомучеников Российских окончили там свой подвиг и получили мученические венцы. Земля Казахстана сделаюсь свидетельницей трагедии русского народа.

Вместе с отцом Димитрием за ним по этапу в ссылку последовали три его прихожанки из села Михайловка. Две из них там и умерли. Долго никто из родных не знал о нем ничего. Но он непоколебимо верил в благой Промысел Божий о каждом человеке, в покров Царицы Небесной над каждым из нас, безропотно и мужественно переносил страдания все долгие годы заключения. Когда его однажды спросили: «Батюшка, били ли вас в лагере?» — он с кротостью ответил: «Чем я лучше других? Что всем было, то и мне. Я рад, что Господь сподобил меня пострадать вместе с моим народом и потерпеть сполна все скорби, которые не единожды выпадали на долю православных. Всю

свою жизнь я благодарен Богу, что никогда не оставался в стороне от трудностей тех лет... Горе и лишения, которые происходят с нами, надо принимать как милость от Бога».

О своей лагерной жизни отец Серафим рассказывать не любил, но от его родственников известно, что, будучи в лагере, он продолжал свое пастырское служение, как верный пастырь Христовой Церкви: вел беседы с заключенными, крестил новообращенных, исповедовал, отпевал умерших и один раз даже венчал. Пел хор из сокамерников, которых подготовил сам батюшка. Епитрахилью служили два сшитых полотенца с вышитыми на них крестами. Все это строго запрещалось лагерным начальством, и за нарушение полагался карцер, из которого можно было и не выйти. Поэтому служба совершалась в строжайшей тайне, в тайге, там же велись духовные беседы.

В эти лагерные годы отец Димитрий чувствовал, что он, как чаша, постепенно, по каплям, наполняется благодатной любовью к Богу и ближним. А вместе с тем сердце его напитывалось простотой и детской незлобивостью. Это чувствовали в общении с ним заключенные, даже уголовники, и проникались к нему доверием. Они оберегали этого святого для них узника, установив для него особую охрану.

Однажды отец Димитрий пробрался в сельский храм и, войдя в алтарь, признался батюшке, что он священник, и из заключенных, и желал бы

причаститься. Перед причащением настоятель храма объявил о необходимости известить о его посещении начальство. За это прибавляли срок, но отец Димитрий ответил: «На все воля Божия». И настоятель нашел в себе мужество не заявлять о случившемся. После освобождения отца Димитрия он приезжал в Днепропетровск навестить батюшку.

После десяти лет лагерей, перед освобождением, начальник лагеря спросил отца Димитрия: «Что собираетесь делать на свободе?» Отец Димитрий ответил: «Я священник, служить намерен». «Ну, коль служить, - рассудил следовательно, - тогда посиди еще». Предлагалось тихо уйти от Христа. Скажи он тогда: «Где-нибудь устроюсь. Найду какую-нибудь работу»... Но отец Димитрий повел себя как мужественный исповедник, готовый умереть за Христа. Он не искал страдания, а согласился на него. Он горел желанием возвратиться в родные места, к детям, к любимой пастве, но он оставил все, чтобы следовать за Христом, Которого любил больше всего на свете.

Отцу Димитрию добавили пять лет, отправив в ссылку в Красноярский край, на полустанок Денежек, возле Игарки. Как-то к началу суровой зимы отец Димитрий оказался без средств и работы. Усердная молитва к Богу о помощи, любовь к своему пастырю духовных чад и на этот раз спасли его от неминуемой гибели. В последние годы своей жизни батюшка делился со своими духовными чадами пережитым в те годы: «Если бы не посылки от знакомых из Днепропетровска, я бы умер с голоду». Из рассказа

отца Валерия Бояринцева и схимонахини Ермогены (Денисенко) известно, что у отца Серафима были преданные ему духовные чада из Михайловки: Агриппина, Ольга, Стефан, Мария и Анастасия, еще с 30-х годов знавшие батюшку, помогал ему и врач-рентгенолог Адриан Михайлович Одынецкий, который отправлял ему в ссылку посылки. Отец Димитрий смертельно скорбел. Его мог утешить только Господь. Поэтому душа его вспоминает в эти тяжелые дни Гефсиманский подвиг Иисуса Христа. Только самым близким душам он мог поведать в письме из уз тайну своего страдания. Сохранилось письмо того времени, адресованное батюшкой своей духовной дочери:

«Совершишася, и паки голгофа, и паки Крест

Дорогая дочь моя, незабвенная Мавро!

Душа моя скорбит смертельно. Воспомяна гефсиманский подвиг Христа Спасителя, нахожу утешение в своей скорбящей душе. Скорблю, скорблю тяжело, скорблю о себе, скорблю о детях, сродниках своих, скорблю о пастве своей, скорблю о чадах своих духовных, скорблю о любящих, помнящих обо мне и ожидающих моего возвращения ныне. Но совершилось то, о чем я горячо и усердно молил Господа: да мимоидет от Мене чаша сия (Мф. 26, 39).

Я горел желанием возвращения в родные места, желанием видеть родных, дорогих и близких, но, увы, получил назначение на жительство в Красноярский край. После долгого и утомительного

железнодорожного и водного пути достиг я тихого пристанища у далеких берегов реки Енисея, где и ... ныне¹. Здесь рыбный промысел и небольшое хозяйство. Здесь я должен трудиться и от трудов своих себя питать и одевать. Старость моя не приспособлена... к таковой жизни (я не от мира сего ведь) ... крайне смущают меня. Притом в настоящее время я без средств. Приближается зима суровая и продолжительная.

1 Письмо отца Серафима публикуется по рукописи. В некоторых местах карандаш стерся и строчки неразборчивы.

Да будет воля Твоя.

Верю, что Господь везде и всегда со мною - служителем его. Верю, что Он не оставит меня. Уповаю, что в любви своей, которая николиже отпадет, и вы не забудете меня — пастыря своего, полагающего за овцы душу свою. Однако боюсь быть в тягость вам, дети мои дорогие. Простите и не осудите, чадо мое возлюбленное Мавро! Как апостол Павел имел в скорби своей ученика — апостола Тимофея, так и я — тебя. Посети моих благодетелей - деток моих духовных, направь стопы свои к возлюбленной о Господе Катерине Никаноровне... - Днепропетровск, ул. Производственная, №3. Прочитайте вместе послание сие, пролейте слезные молитвы обо мне и решите вопрос утolenия скорби моей. Господь Милосердный и Его Пречистая Матерь со святыми да хранят нас!

Усерднейше прошу у всех молитв святых и прощения!

Дорогих моих Стефана Васильевича и Анастасию Иоанновну с ... семейством, Ольгу, не забывающую о мне, тебя, Мавро², верную сподвижницу келлии моей, Екатерину, возлюбленную во Христе, и всех ... своих благословляю ...

2 Стефан Васильевич - староста церкви Великомученицы Варвары в Карноуховке, Анастасия Ивановна — его жена, Ольга — их дочь, просфорница храма, жила с родителями (ей сейчас более 90 лет). Мавра — родная сестра Екатерины, проживала вместе с семьей сестры, в свое время она являлась духовной дочерью Иоанна Кронштадтского. Отец Димитрий снимал у них комнату.

Всегда ваш, всегдашний молитвенник ваш, ваш скорбящий пастырь отец Димитрий.

Мой адрес: Красноярский край, город Игарка, Игарский район, полустанок Денежек».

Спустя годы на вопрос внука, почему у батюшки хроническая простуда, отец Серафим поведал следующее. Везли их ранней весной в ссылку. Буксир тянул баржу с заключенными. Узников партиями по пятьдесят человек высаживали на берег по пути следования. Кругом тайга, места не знакомые, все разошлись. Отец Серафим заблудился и не мог отыскать дорогу к лагерю. В поисках дороги прошел день, настал вечер, в тайге было холодно, лежал глубокий снег, от реки тянуло сыростью. Стемнело. Вокруг выли волки, двигаться не было сил.

«Продрогший, совсем обессиленный, преодолевая боль, я встал на колени и с глубокой мерой горячо помолился Господу, Владычице, Святителю Николаю — моим небесным заступникам. Сам не знаю, сколько продолжалась молитва и как я оказался в десяти шагах от людей, сидящих у костра на территории лагеря». Так чудесным образом Господь сохранил своего избранника.

Наступил 1953 год. После смерти И.В.Сталина, в пору хрущевской «оттепели», начали пересматривать дела репрессированных, реабилитировать замученных и расстрелянных. Однако священнослужителей оправдывать не спешили. Многие из них все еще оставались в лагерях и ссылках.

Схимонахиня Ермогена (Денисенко), духовная дочь отца Серафима, вспоминает: «Когда отец Димитрий был в ссылке и ходил без конвоя, он заходил в храм. Священнику храма было откровение во сне: без сомнения возьми его к себе, и он будет сослужить тебе. «Я зашел в церковь, — рассказывал батюшка, — как заключенные: в телогрейке с лагерным номером. Встал на паперти. Вдруг вышел священник, подошел прямо ко мне и сказал: «Батюшка, идите в алтарь, облачайтесь и служите». Я был поражен, но без малейшего смущения пошел и сослужил ему в Пасхальную ночь. От радости я не знал, где нахожусь — на небе или на земле, ведь четырнадцать лет...» — батюшка заплакал. «И он не сказал, и я не спросил, — продолжал он, — как он мог, не зная меня, взять

сослужить. Утром в лагере стало известно, что я сослужил в храме».

Отца Димитрия вызвали к лагерному начальству и потребовали, чтобы он письменно отрекся от Бога. «Нас, всех верующих, собрали — рассказывал батюшка, — и принуждали подписать отречение. Но этого не произошло. Вскоре нас сослали». Я спросила, куда их сослали (все время, пока он рассказывал, я плакала). Он ответил: «Деточка, туда, где белые медведи... Везли нас водой, затем выбросили на берег, где только небо, снег и лес. Слава Богу, что я с детства приучился кушать понемногу. Съем крошечку с молитвой и подкреплюсь, а другие от недоедания, как мухи, умирали. Я был очень слаб, настолько слаб, что не мог ничего поднять. Видя, что я такой слабый и худой, мне вручили в руки палку и сказали: «А ты, поп, сторожи лес, чтобы его не украли». А кто его может украсть? Я понял, что обречен на гибель, на растерзание зверям... И вот когда я увидел, что на меня идут медведи, я поднял два креста — один большой, другой поменьше. Стою с этими крестами, медведи подошли совсем близко ко мне и остановились. Посмотрели на меня, стали озираться по сторонам и ушли. Так что крестами я спасся». Одним из этих крестов я благословляю тебя на твою жизнь, а другой оставляю себе». (Матушка Ермогена подошла к иконостасу, взяла небольшой, сантиметров десять-двенадцать, деревянный крест и подала его мне. Я с благоговением его поцеловал — автор).

Возвращение из ссылки. Чудо Куйбышевского «стояния Зои»

Если пребудете во Мне
и слова Мои в вас пребудут,
то, чего ни пожелаете,
просите, и будет вам.
(Ин. 10, II)

В 1955 году отцу Димитрию отменили ссылку. Внук отца Серафима, диакон Димитрий Тяпочкин, вспоминает: «Мама рассказывала, что после смерти Сталина родственники решили начать розыск дедушки. Дядя Юра, как самый смелый, возглавил это дело. Все прошли войну, были при чинах и при орденах и медалях. Это добавило смелости, и они обратились к Берии с запросом о судьбе отца, арестованного в 1941 году. Прошло около полугода, и их вызвали в Москву. Они прождали в приемной министерства целый день. Никто не обращал на них внимания и не давал ответа, кроме: «Ждите». Напряжение было очень сильным. Дядя Юра вспоминал: «Было такое ощущение, что больше мы отсюда не выйдем, нас арестуют». Только вечером их приняли. Выслушали, обещали помочь. Потом сообщили адрес места заключения и сказали, что дело пересматривается. Когда дедушку освободили, дядя Юра его встречал. Прибыл поезд — вспоминал он, — на перроне в телогрейке стоит худой старик с деревянным чемоданом, перевязанным веревкой. Я подошел к нему и спросил: «Вы отец Димитрий?», а он

мне в ответ: «А вы — Георгий?» Так дедушка впервые увидел мужа своей младшей дочери Антонины.

В то время, чтобы создать у народа иллюзию благополучия, заключенных иногда отпускали на волю, если их разыскивали родственники. Но дедушку освободили только через несколько лет. В Днепропетровск он возвратился очень больным человеком: у него были отбиты легкие, поражены все внутренние органы, весь простужен, постоянный удушающий кашель.

Мама вспоминала ту первую встречу. Она очень волновалась, теряла сознание, все происходило как во сне. Прижалась к отцу и не могла разжать руки. Очнулась на ливане. Отец сидел рядом успокаивал. И только к концу дня немножко пришла в себя. Мама говорила, что на войне она насмотрелась на уставших от тяжелой военной жизни людей, пораженных дистрофией. Дедушка мало чем отличался от них внешне, хотя и поразил всех своим спокойствием и решительностью, когда на вопрос: «Что делать дальше?»- ответил: «Конечно, служить Богу». Дети его просили: «Папочка, отдохни, подлечись. Люди все так же исчезают в «черных воронках». Мы так устали от прошедшей войны. Только тебя нашли, а ты опять от нас уходишь». На это он ответил: «Я всегда был с вами и буду вместе с вами, мои родные сиротки, всегда».

К тому времени его дочери обзавелись семьями, и, казалось, теперь ничем не связанный отец Димитрий мог бы полностью посвятить себя служению престолу

Божью. Однако власти продолжали борьбу с Церковью, хотя и не казнили за веру. Отца Димитрия, ревностного, образованного и авторитетного пастыря, направили в отдаленное селение Днепропетровской епархии, в село Верхний Токмак Черниговского района Запорожской области, в храм во имя Архистратига Божия Михаила, а затем перевели в село Михайловское.

В 1956 году случилось то, что потрясло весь православный мир, — знаменитое «Зоино стояние»¹. Напомним вкратце об этом чуде, происшедшем в Самаре (тогда Куйбышеве).

1 Более сорока пяти лет отец Серафим (тогда отец Димитрий) упоминается, как участник тех далеких событий.

Работница трубного завода (ныне завод им. Масленникова), некая Зоя, решила с друзьями встретить новый год. Ее верующая мать была против веселья в Рождественский пост, но Зоя не послушалась. Все собрались, а Зоин жених Николай где-то задержался. Играла музыка, молодежь танцевала, только у Зои не было пары. Обиженная на жениха, она сняла с божницы икону Святителя Николая и сказала: «Если нет моего Николая, потанцую со святым Николой». На увещевания подруги не делать этого она дерзко ответила: «Если Бог есть, пусть Он меня накажет!» С этими словами она пошла по кругу. На третьем круге комнату вдруг наполнил сильный шум, поднялся вихрь, молнией сверкнул ослепительный свет, и все в страхе

выбежали. Только Зоя не выбежала: она застыла с прижатой к груди иконой Святителя, окаменевшая, холодная, как мрамор.

...Ее не могли сдвинуть с места: ноги девушки как бы приросли к полу. При отсутствии внешних признаков жизни Зоя была жива: сердце ее билось. С этого времени она не могла ни пить, ни есть. Врачи прилагали всевозможные усилия и старания, но не могли привести ее в чувство.

Весть о чуде быстро разнеслась по городу, многие приходили посмотреть Зоино стояние. Но спустя какое-то время городские власти опомнились: подходы к дому перекрыли, и дом стал охранять наряд дежурных милиционеров, а приезжим и любопытным отвечали, что никакого чуда здесь нет и не было.

Дежурившие на Зоином посту по ночам слышали, как Зоя кричала: «Мама! Молись! В грехах погибаем! Молись!» Медицинское обследование подтвердило, что сердцебиение у девушки не прекратилось, несмотря на окаменелость тканей (не могли даже укол сделать — иглы ломались). Приглашенные священники после совершения молитв не смогли взять икону из застывших рук Зои. В самый праздник Рождества Христова, полный веры и благоговения, пришел иеромонах Серафим, с пламенным усердным молением освятил воду перед иконою Святителя и со страхом Божиим и верой легко взял святой образ из

рук Зои, сказав при этом: «Теперь надо ждать знамения в Великий Христов день» (т.е. на Пасху).

Посетил Зою и усердный молитвенник, имеющий великую силу, митрополит Московский Николай (Ярушевич). Он подтвердил слова благочестивого иеромонаха Серафима и, совершив моление, сказал: «Нового знамения надо ждать в Великий день».

...Перед праздником Благовещения некий благообразный старец просил охрану пропустить его. Ему отказали. Появлялся он и на следующий день, но и другая смена его не пропустила. В третий раз, в самый праздник Благовещения, охрана его не задержала. Дежурные слышали, как старичок говорил Зое: «Ну что, устала стоять?» Прошло какое-то время, старец все не выходил. Когда заглянули в комнату, его там не обнаружили (все свидетели происшедшего убеждены, что являлся сам Святитель Николай).

Зоя простояла 4 месяца (128 дней), до самой Пасхи, которая в том году была 23 апреля (6 мая по новому стилю). В ночь на Светлое Христово Воскресение Зоя громко взывала: "Молитесь! Страшно, земля горит! Весь мир в грехах гибнет! Молитесь!!" С этого времени она стала оживать, в мускулах появилась мягкость, жизненность. Ее уложили в постель, но она продолжала взывать и просить всех молиться о мире, гибнущем во грехах, о земле, горящей в беззакониях.

— Как ты жила? — спрашивали ее. — Кто тебя кормил?

— Голуби, голуби меня кормили, — отвечала Зоя.

Молитвами Святителя Николая Господь помиловал ее, принял ее покаяние и простил ее грехи...

Происшествие вызвало такой переполох в области, что его обсуждали даже на партийной конференции, созванной в январе 1956 года. Стенограмма конференции зафиксировала накал страстей в стане атеистов в связи с «Зоиным стоянием». На вопросы делегатов отвечал один из руководящих работников: «В Куйбышеве широко распространились слухи о происшедшем якобы чуде на Чкаловской улице. Записок по этому поводу пришло штук двадцать. Да, произошло такое чудо — позорное для нас, коммунистов, руководителей парторганов. Какая-то старушка шла и сказала: «Вот в этом доме танцевала молодежь, одна охальница стала танцевать с иконой и окаменела». После этого стали говорить, что она окаменела, одеревенела, и пошло. Начал собираться народ, потому что неумело поступили руководители милицейских органов. Видно, и еще кто-то приложил к этому руку. Тут же поставили милицейский пост, а где милиция, туда и глаза. Мало того. Поскольку народ все прибывал, выставили конную милицию. Раз так — все туда. Некоторые додумались до того, что вносили предложение послать туда попов для ликвидации этого позорного явления... Бюро обкома рекомендовало виновников строго наказать, а товарищу Страхову (редактору газеты «Волжская коммуна») дать разъясняющий материал в газете».

Все случившееся настолько поразило жителей Куйбышева и его окрестностей, что множество людей обратилось к вере. Спешили в церковь с покаянием, некрещенные крестились, не носившие креста стали его носить (даже не хватало крестов для желающих).

Когда спустя годы архимандриту Серафиму задавали вопросы о его встрече с Зоей, он всегда уклонялся от ответа. Вспоминает протоиерей Анатолий Литвинко, клирик Самарской епархии. «Я спросил отца Серафима: «Батюшка, это вы взяли икону из рук Зои?» Он смиренно опустил голову. И по его молчанию я понял - он». Да и власти могли вновь начать на него гонения из-за большого притока паломников, желавших приложиться к чудотворной иконе Святителя Николая, которая была в храме, где служил отец Серафим. Со временем власти потребовали убрать икону, скрыть от народа, и она была перенесена в алтарь.

Недавно этим случаем вновь заинтересовалась массовая печать. Приводим выдержки из публикации «Комсомольской правды»:

«Многим верующим в Самаре известна пенсионерка Анна Ивановна Федотова.

«В те дни возле дома Зои я была дважды, - рассказывает Анна Ивановна, — приезжала издалека. Но дом был окружен милицией. И тогда я решила расспросить обо всем какого-нибудь милиционера из охраны. Вскоре один из них — совсем молоденький — вышел из калитки. Я пошла за ним, остановила его:

«Скажите, правда, что Зоя стоит?» Он ответил: «Ты спрашиваешь в точности как моя жена. Но я ничего не скажу, а лучше смотри сама...» Он снял с головы фуражку и показал совершенно седые волосы: «Видишь?! Это вернее слов... Ведь мы давали подписку, нам запрещено рассказывать об этом... Но если бы ты только знала, как страшно мне было смотреть на эту застывшую девушку!»

Совсем недавно отыскался человек, поведавший о самарском чуде нечто новое. Им оказался уважаемый в Самаре настоятель Софийской церкви священник Виталий Калашников:

«Анна Павловна Калашникова — тетка моей матери — в 1956 году работала в Куйбышеве врачом «Скорой помощи». В тот день утром она приехала к нам домой и сообщила: «Вы тут спите, а город уже давно на ногах!» И рассказала об окаменевшей девушке. А еще она призналась (хотя и давала подписку), что сейчас была в том доме по вызову. Видела застывшую Зою. Видела икону Святителя Николая у нее в руках. Пыталась сделать несчастной укол, но иглы гнулись, ломались, и потому сделать укол не удалось.

Все были потрясены ее рассказом...

Анна Павловна Калашникова проработала на «Скорой» врачом потом еще много лет. Умерла в 1996 году. Я успел пособоровать ее незадолго до смерти. Сейчас еще живы многие из тех, кому она в тот самый первый зимний день рассказала о

случившемся»¹.

1 Комсомольская правда. 1997. 12 сентября.

Валентина Николаевна Шушляпина (г. Белгород) вспоминает: «Я приехала к отцу Серафиму. Остановилась переночевать в доме Марии Романовны, где собралось много приезжих. Спать было тесно, в комнате душно. Два молодых человека поднялись и вышли во двор на свежий воздух, вслед за ними - и я. Разговорились, оказалось, что они из Куйбышева и учатся в Духовной семинарии. Я стала расспрашивать их о «Зонном стоянии». Когда это произошло, они были ребяташками; вышло, что именно это чудо и привело их к вере в Бога. Теперь вот приезжают к отцу Серафиму, став ею духовными чадами. Они утверждали, что именно отец Серафим взял икону из рук Зои.

...После службы староста храма матушка Екатерина Лучина (в постриге монахиня Серафима) спрашивает: «А ты приложилась к чудотворной иконе Святителя Николая?» Я ей отвечаю: «Да». Она не отстает: «К какой?» Я ей показываю на большую икону Святителя Николая у стены. Она говорит: «Нужно к той, что на аналое. Ее наш батюшка взял у Зои. Только никому не рассказывай, а то нам запретили об этом говорить и батюшку могут вновь арестовать».

И, видимо, не случайно по благословению отца Серафима в ракитянском храме² у иконы Святителя Николая и у распятия Спасителя (на Голгофе) вот уже сорок лет горят неугасимые лампы. Елизавета

Константиновна Фофанова, духовная дочь старца, однажды спросила отца Серафима: «Батюшка, это вы взяли икону у Зои?» Он ей ответил: «Зачем вам это знать? Не спрашивайте меня больше об этом».

2 В Никольском храме в с. Ракитном Белгородской области отец Серафим служил с 1961 г. до своей конца жизни (19 апреля 1982 г.).

Протоиерей Владимир Волгин, настоятель московского храма Софии Премудрости Божией в Средних Садовниках говорил: «Всех всегда волновал вопрос о связи отца Серафима с чудом «Зонного стояния». И как-то я после нашей беседы спросил: «Батюшка, какое отношение вы имеете к этому замечательному чуду, связанному с иконой Святителя Николая? Батюшка не стал отказываться, но сказал мне достаточно твердо, насколько вообще он мог быть твердым в своем пастырском слове: «Не будем об этом сейчас...» И мне уже больше не хотелось его расспрашивать, искушать этого великого старца, зная, что многие мои братья да и духовные чада старца неоднократно по разным причинам с ним об этом говорили. Но поскольку отец Серафим не дал отрицательного ответа, для себя лично я сделал вывод, что он был непосредственным участником в разрешении чуда "Зонного стояния"».

Архимандрит Геннадий (Давыдов, в схиме Григорий), будучи за трапезой у батюшки, в присутствии духовенства спросил: «Отец Серафим, это вы взяли икону у Зои?» На что старец ответил: «Отец Геннадий, что вы меня искушаете...»

Близкая духовная дочь спросила отца Серафима: «Батюшка, это вы были в Куйбышеве и взяли икону из рук Зои, сотворив чудо?» Старец ответил: «Деточка моя, чудеса творит Бог, а мы, недостойные, по молитвам нашим получаем».

Другой духовной дочери, Марии, на ее вопрос о «Зонном стоянии» незадолго до своей кончины батюшка ответил: «И меня Господь сподобил быть там».

Из воспоминаний Александры Ивановны А.1 «На пяти неделе Великого поста 1982 года протоиерей Анатолий Шишков из города Фатеж Курской области, иконописец иеромонах Зинов (ныне архимандрит) и я приехали в Ракитное. Отец Серафим был болен, он уже никого не принимал. По просьбе отца Анатолия меня пропустили к нему. Батюшка лежал на кровати, он был болен, но принял приветливо и предложил сесть на стул рядом с его постелью.

1 Александра Ивановна Антонова — более двадцати лет проработала главным бухгалтером в издательстве Московской Патриархии. В настоящее время на пенсии.

Я рассказала ему о своих затруднениях и просила его святых молитв. Речь шла об обмене частного дома на государственную квартиру, на что требовалось разрешение Совета министров. Поездка из Подмосковья в Москву на работу ежедневно отнимала три часа времени, и так в течение двадцати лет. Он сказал: «А почему вы не приехали раньше, на первой

седмице Великого поста? Можно было бы этот вопрос решить... Ну, хорошо, будем молиться». В тот момент я подумала, что если обмена не произойдет, то брошу работу в издательстве Московской Патриархии. Тогда батюшка, несмотря на свою физическую слабость, поднялся с кровати, подошел, взял мою руку, постучал ею мне по лбу и произнес: «Выбросьте из головы эту мысль. Ни в коем случае не оставляйте издательский отдел, вы там нужны, считайте это вам моим благословением». Я в ответ: «Батюшка, я больна, переутомляюсь, с сердцем бывает плохо, в дороге могу и умереть». А он продолжает: «Вы никуда не уйдете, а если суждено вам умереть, то Господь вас помилует за послушание». Вдруг его слова дошли до моего сознания. Я была потрясена его прозорливостью и той решительностью, с которой он убеждал не оставлять работу в издательстве.

Дальше все произошло само собой, как бы без моего участия. Я дерзнула спросить: «Батюшка, а где икона Святителя Николая, которую вы взяли у Зои?» Он строго на меня посмотрел. Наступило молчание. Почему я вспомнила именно об иконе? В Куйбышеве жили мои родственники, на той самой улице, что и Зоя. Когда все это произошло, мне было четырнадцать лет. Чтобы народ не собирался возле дома, по вечерам отключали освещение. Крики Зои приводили всех в ужас. Молодой милиционер, стоявший на посту, от всего этого поседел. Мои родственники, будучи очевидцами происходящего, стали верующими и начали посещать храм. Чудо "Зонного стояния" и все

случившееся с ней глубоко запечатлелось в моем сознании.

Я много слышала об отце Серафиме, но в первый раз оказалась у него в 1982 году... После его строгого взгляда меня пронзила мысль: «Ой, горе мне, горе». Вдруг батюшка сказал: «Икона лежала в храме на аналое, а сейчас она находится в алтаре. Были такие времена, что ее велели убрать.»¹

1 По Божиему Промыслу эти воспоминания были записаны мною на квартире у Александры Ивановны Антоновой через четырнадцать лет после кончины старца. Таким образом, было получено еще одно подтверждение тому, что отец Серафим (тогда еще Димитрий) был участником тех далеких событий. На пять лет раньше, чем мне, Александра Ивановна об этом рассказала духовной дочери отца Серафима — Татьяне Ивановне Снегиревой († 2002).

Через две недели батюшка скончался.

Спустя год я приехала к нему на могилку помолиться и говорю диакону Иоанну (Бузов; †2002г. иеросхимонах Иоанн): «Вот, батюшка, чуда-то не произошло, квартиру я не обменяла». Он мне в ответ: «Если отец Серафим сказал, что будет молиться, не сомневайтесь, он молится. Вы поменяетесь, но не выше второго этажа». Так и получилось. Сначала документы подготовили на квартиру на шестом этаже, но хозяева передумали, а через месяц нам предложили второй этаж. У мамы были больные ноги, и ей тяжело было бы подниматься по лестнице. Работу

в Москве я не оставляла, молитвами отца Серафима мое здоровье укрепилось, и я продолжала работать до ухода на пенсию».

Вот что рассказала Клавдия Георгиевна Петруненкова из Санкт-Петербурга — духовная дочь митрополита Николая (Ярушевича).¹

1 Митрополит Николай (Ярушевич, 1891-1961) - воспитанник СПбДА, доктор богословия, известный проповедник. В 1914 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона, с 1919 г. — архимандрит, настоятель Александра-Невской лавры. С 1922 г. — епископ, с 1941 г. — митрополит Киевский. С 1942 г. — управляющий делами Московской Патриархии. В 1944 г. назначен на Крутицкую кафедру, много сил отдал церковно-дипломатической работе. Погребён в Троице-Сергиевой лавре.

«Когда произошло «Зоино стояние», я спросила владыку, был ли он в Куйбышеве и видел ли он Зою. Владыка ответил: «Я был там, молился, но икону у Зои не взял, не время еще было».

Незадолго до кончины отца Серафима я была в Ракитном. В храме на горнем месте, справа от престола я видела икону Святителя Николая в окладе. Во время беседы с отцом Серафимом в его келлии я спросила: «Батюшка, у вас в алтаре та икона Святителя Николая, которая была у Зои?» «Да», — ответил он... О Зое больше мы не говорили». Однажды составитель этого сборника спросил у Клавдии

Георгиевны, почему именно ей батюшка сказал про икону. «Он мне доверял. По просьбе митрополита Антония Сурожского, в одну из наших встреч с отцом Серафимом я задала ему вопросы, которые интересовали владыку».

О куйбышевских событиях рассказывает Андрей Андреевич Савин, бывший в то время секретарем Самарского епархиального управления: «При епископе Иерониме¹ это было. Утром я увидел группу людей, стоящую возле того дома. А уже к вечеру толпа доходила до тысячи человек. Были выставлены патрули. Но людей сначала не трогали, видимо, сказывалось первое замешательство. Это уже позднее начали всех разгонять. Предлог обычный: «Нарушаете покой жителей, движение автотранспорта»... Но толпа все равно росла как на дрожжах. Многие приезжали даже из окрестных сел.

1 Епископ Иероним (в миру Владимир Иванович Захаров; 1897— 1966) пострижен в монашество в 1925 г. Рукоположен во епископа Кишиневского в 1944 г., с 1952 по 1956 гг. — епископ Куйбышевский.

Те дни были очень напряженными. Народ, естественно, ждал от нас разъяснений, но ни один священник и близко к тому дому не подходил. Боялись. Тогда мы все ходили по «тонкой жердочке». Священники были на «регистрации»: их утверждал и смещал уполномоченный по делам религий исполкома. В любой момент каждый мог остаться без работы и средств к существованию. А тут такой прекрасный повод свести с нами счеты!

Вскоре среди верующих прошел шепоток, что Зоя прощена и в День Святой Пасхи воскреснет. Люди ждали, надеялись. А по городу уже всю расхаживали отряды комсомольцев. Бойко «разоблачали», уверяли, что были в доме и ничего не видели. Это все только подлило масла в огонь, так что и те, кто действительно не верил в чудо, под конец усомнились: наверное, все же народная молва права, хоть и не во всем, и в доме на Чкаловской улице все-таки произошло нечто удивительное — не сомневаюсь!»²

2 Волжский комсомолец. 1990. 2 сентября.

Архиепископ Самарский и Сызранский Евсевий³ как бы подытоживает различные суждения о случившемся.

3 Архиепископ Евсевий (в миру Николай Саввин; род. в 1939 г.) в 1982—1984 гг. наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры, с 1984 г. — епископ Алма-Атинский, с 1990 г. — епископ Куйбышевский (в 1991 г. городу было возвращено название Самара), ныне — архиепископ Псковский.

«Свидетелями этого чуда были многие люди. Я узнал об этом в 1957 году во время учебы в семинарии. Сомнений не было никаких — это величайшее чудо! В то время, когда вера подвергалась гонению и поруганию от безбожных властителей, этот случай чудесного проявления силы Божией стал сенсацией. И не только для жителей Самары.

Чудо о Зое стало уроком многим. Ведь относиться к святыне нужно с благоговением. Это урок и безбожникам: ты можешь не верить, но святыню не тронь, иначе последует наказание! Если бы неверующая Зоя не прикасалась к святой иконе, ничего ведь не произошло бы.

Подобных чудес совершалось немало: когда нечестивцы касались святыни, они поражались. Аффоний в Иерусалиме при погребении Богородицы хотел опрокинуть Ее гроб, и на виду у всех Ангел Господень отсек ему руки... Известны случаи, когда человек сбрасывал на землю колокол и вместе с колоколом сам летел вниз...

Да, в те времена у людей была большая потребность в чуде. Но чудеса являются, когда они нужны для народа, когда Господь определит»¹.

1 Благовест. (Самарская христианская газета). 1992. № 1.

Эту историю, происшедшую в Москве в семье Анатолия и Таисии в 2000 году рассказал автору Александр Якушин из Москвы. ...23 марта, в четверг, на второй седмице Великого поста Лариса, дочь Анатолия, отмечала свой день рождения. Все сидели за праздничным столом, играла музыка, Лариса взяла за руку дочь и начала с ней танцевать. Во время танца Лариса вдруг вскрикнула и от боли в ноге упала на пол. Ее гости были потрясены происшедшим. Когда Лариса пришла в себя, рассказала: "Когда я начала танцевать, передо мной неожиданно появился

старец в черной одежде и строго посмотрел на меня. В это же мгновение я почувствовала сильную боль в ноге и упала". О происшедшем Анатолий рассказал своему другу Александру. Для вразумления Ларисы Александр дал ей книгу о белгородском старце архимандрите Серафиме (Тяпочкине). Когда Лариса увидела на обложке книги фотографию отца Серафима, она узнала того старца, который явился ей. После прочтения книги об отце Серафиме, Лариса сказала: "Что бы я еще когда-либо танцевала — никогда!" Лариса верила, что после ее покаяния, по молитвам батюшки Серафима, Господь исцелит ее... И по истечении трех месяцев ее болевшая и почерневшая нога - исцелилась.

Записано 27 мая 2004 года.

Несмотря на прошедшие сорок восемь лет многое из того, что связано с «Зоиным стоянием», остается пока прикровенным. Мы надеемся, что со временем белые пятна исчезнут, и нам откроются новые обстоятельства и свидетельства, проливающие свет на эту историю.

В 1998 году монахиня Елисавета (Баранова; 1912 — 2000) из города Сумы дала автору прочесть тетрадь с описанием «Зонного стояния». Там сказано, что архимандрит Серафим (Тяпочкин) из села Ракитного взял икону из рук Зои (в те годы, когда происходили эти события, она с мужем находилась в Куйбышеве в ссылке). В народной повести о «Зоиним стоянии» говорится следующее: «...Взял образ святой из рук

Зою, сказал при этом: «Теперь надо ждать знамения в Великий Христов день»¹.

1 Великдень (укр.) — Пасха.

И в другом месте: «Посетил Зою и усердный молитвенник, имеющий великую силу, митрополит Московский Николай. Он подтвердил слова иеромонаха Серафима и, совершив моление, сказал: «Нового знамения надо ждать в Великий день»².

Можно предположить, что тот, кто записывал рассказ о «Зоинном стоянии», был украинского происхождения. Отец Димитрий проживал и служил на Украине, а когда был направлен в шестидесятые годы в Курско-Белгородскую епархию, по свидетельству монахини Иоасафы, келейницы старца, к нему из Днепропетровска и других городов страны приезжало очень много духовных чад. Тогда или позже могла быть записана повесть о «Зоинном стоянии», о том, что икона была взята иеромонахом Серафимом (тогда отцом Димитрием), принявшим постриг в 1960 году. Так имя Димитрий соединилось с именем Серафим, данным батюшке при постриге.

2 «Стояние Зою». Чудо Святителя Николая в Самаре. Самара. 2000. С. 9-10.

Существует и другое мнение: икону взял иеромонах Серафим (Полоз), клирик Петропавловского храма города Куйбышева. Дважды (в 1997 и в 1999 годах) автор посетил архиепископа Ярославского и Ростовского Михея. Вот что сообщил мне владыка: «Как-то случайно встретился я на аэродроме с иеромонахом Серафимом. Мы были тогда молодыми,

почти ровесники. Нам было лет по тридцать пять (1956 г. — автор). Мы разговорились. Он мне рассказал о «Зоинном стоянии» и что ему много пришлось претерпеть от властей в связи с этими событиями, происшедшими в 1956 году в Куйбышеве». На мою просьбу подробнее описать разговор, владыка заметил: «Это было давно, более сорока лет назад, я не помню и больше ничего об этом сказать не могу»¹. Владыка был уставший и плохо себя чувствовал. Я не стал переутомлять его дальнейшими расспросами.

1 Диктофонная запись разговора с владыкой Михеем.

Иеромонах Серафим (Полоз) рассказал иеромонаху Михею о «Зоинном стоянии», но он не утверждал, что взял икону.

В некоторых газетных публикациях о «Зоинном стоянии» сообщается, что икона из рук Зои была взята иеромонахом Серафимом из Глинской пустыни. Надо сказать, что в Глинской пустыни подвизались два Серафима: иеромонах Серафим (Амелин, 1874-1958) и схиархимандрит Серафим (Романцов, 1885-1976).

В Самарском издательстве в 2000 году вышла книга «Стояние Зои». Чудо Святителя Николая в Самаре». В ней на с. 40 читаем: «Запросы в самарские архивы не внесли большей ясности. Из архива ГУВД Самарской области сообщили, что у них сведений о событиях 1956 года, связанных со «стоянием Зои», и о личности иеромонаха Серафима (Полоза) не имеется. Правда, в течение последних десятилетий в архиве

неоднократно проводились изъятия — «дела» уничтожались по истечении срока хранения. Возможно, когда-то уничтожили и интересующие нас документы...¹

1 Известно, что игумен Серафим (Полоз) с 1964 по 1970 г. служил в г. Сыктывкаре (Коми). По состоянию здоровья переехал на Украину и проживал в г. Чернигове. Служил в г. Щорсе. Умер в 1987 г. Однако за все это время ни он сам, ни его духовные чада в своих воспоминаниях не упоминают о том, что икону Святителя Николая у Зои взял игумен Серафим (Полоз).

Когда в газете «Русь Державная» был опубликован материал из книги о чуде «Зонного стояния», позже возникли споры. Некоторые духовные чада отца Серафима опровергали причастность батюшки к этим событиям. В то время, когда они звонили в редакцию и высказывали несогласие, автор этих строк находился в Белгороде и ничего об этом не знал. В белгородском храме я встретил монахиню Варвару², которая рассказала, что во сне ей явился батюшка Серафим и сказал: «Не употребляйте усилий в доказательствах «Зонного стояния». Когда я приехал в издательство, книга об отце Серафиме была почти готова к выходу, ее осталось только переплести.

2 Монахиня Варвара (Вдовенко, † 2002) в 1960-х годах четыре года была на послушании у отца Серафима и, с переводом владыки Леонида (Полякова) в Рижскую

епархию, по благословению отца Серафима двадцать два года несла послушание у владыки митрополита.

Хочу заметить, что если бы историю о «Зоинном стоянии» несогласные с ней духовные чада старца прочли раньше, например, в газете, вышедшей за полгода до издания книги тиражом 25 тыс. экз., то этот материал не вошел бы в данный сборник, его бы просто не опубликовали.

Разногласия вокруг самарского чуда отчасти объясняются тем, что духовная жизнь праведников, старцев во многом прикровенна, неподвластна внешним законам и суждениям, и только Господь ведаёт всю полноту истины...

Как автор-составитель жития архимандрита Серафима (Тяпочкина), я не имею права умолчать о тех фактах, которые стали мне известны, в том числе и о возможном участии отца Серафима в куйбышевских событиях.

Служение в Свято-Троицком кафедральном соборе в г. Днепропетровске

Заповедь новую даю вам,
да любите друг друга,
как и Я возлюбил вас.
(Ин. 13, 34)

В 1960 году отец Димитрий короткое время был настоятелем Свято-Троицкого кафедрального собора и епархиальным секретарем. В соборе тогда служили

несколько священников. На их фоне отец Димитрий выглядел очень скромно: худой, больной, одет и обут плохо, все латаное-перелатаное. Он жил в домике при соборе. Стол, табуретка, кровать, на стенах несколько бумажных икон, ведро с водой в прихожей - вот и все удобство. Прихожане вспоминали, что они где-то раздобыли ему кое-что из одежды. Батюшка все примерил, поблагодарил, но на нем этой одежды никто не видел. Все лучшее, что у него было, он раздавал нуждающимся. Это был человек, который отдал бы последнее и притом со слезами просил бы принять. Часто, взяв у одного человека, он тут же отдавал другому. И благодарил обоих. Перевод в собор из сельского храма был для духовных чад батюшки радостным событием, но многих это настораживало. Было мнение, что в соборе легче найти повод, чтобы удалить батюшку из епархии. Но его служение здесь было недолгим. Власти видели в нем не сломленного тюрьмой и ссылкой пастыря, а ревностного проповедника Истины, горячо любимого паствой и потому опасного для них.

Из воспоминаний о том времени Любови Андреевны Колядиной (г. Никополь). «По воскресеньям батюшка обычно приходил на раннюю литургию (позднюю служили архиерейским служением). Люди теснились вокруг него, подходя под благословение. Через толпу ожидающих его он с трудом пробирался к выходу. Уже тогда отовсюду слышалось: «Это отец Димитрий, монах, человек высокой жизни». За много лет до пострига его называли монахом, зная о его поистине подвижнической жизни».

Вспоминает игумен Евстратий (Гайшун), насельник Успенской Почаевской лавры: «...К отцу Димитрию на исповедь всегда была огромная очередь. Но священникам не разрешалось оставаться в соборе после службы. Отслужили и разошлись. Поэтому отец Димитрий продолжал исповедовать тайно до поздней ночи на чердаке Свято-Троицкого кафедрального собора».

А.М. Одынецкий пишет: «...Однажды я зашел в собор после вечернего великопостного богослужения и увидел, что левый придел храма заполнен народом. Проходя далее, я увидел исповедующего отца Серафима. Трудно представить, когда он закончил в этот день исповедовать. Сколько же времени может остаться для сна и отдыха после таких трудов? И люди, конечно, замечали и по достоинству ценили его усердие. За несколько месяцев пребывания в Днепропетровске он снискал уважение не только среди православных горожан, но и далеко за пределами города».

Отец Валерий Бояринцев вспоминает: «В то время Днепропетровский собор оказался без настоятеля, и вот епископ Иоасаф¹ (будущий митрополит Киевский и Галицкий) перевел отца Димитрия из села Михайловки настоятелем в кафедральный собор. Помню эти долгие исповеди до поздней ночи. Проповеди его были сердечные, проникновенные, трепетные. Все это заставляло многих плакать. Люди тянулись к отцу настоятелю, что не устраивало власти».

1 Епископ Иоасаф (Лелюхин Виталий Михайлович; 1903-1966) - сын священника, в 1942 г. рукоположен во иерея, служил в храмах г. Днепропетровска и области. С 1950 г. - секретарь Днепропетровского епархиального управления, в 1958 г. рукоположен во епископа Сумского, с 1959 по 1961 г. - епископ Днепропетровский, с 1964 г. — митрополит.

Инокания Надежда Денисенко (в схиме Ермогена) рассказывала: «Когда закрыли Тихвинский монастырь в Днепропетровске, я приходила в кафедральный собор и помогала батюшке в необходимом... 7 июня, на Третье обретение главы Предтечи и Крестителя Господня Иоанна отец Димитрий говорил проповедь. Он приводил евангельское повествование о том, как дочь Иродиады, по наущению матери, просила дать ей здесь же на блюде голову Иоанна Крестителя. Отца Димитрия обвинили в том, что он будто сказал: «Как дочь Иродиады просила отрубить голову Иоанну Крестителю и подать ей на блюде, как нужно сечь головы у коммунистов».

Областной уполномоченный Совета по делам религий забрал регистрацию, дающую право на служение, и приказал ему в течение двух дней удалиться из Днепропетровской епархии. Изгнанник некоторое время жил и молился у прихожан.

Однако его выследили и выселили из города. Владыка Стефан¹, который очень сердечно относился к батюшке, по своим московским каналам выяснил, что можно восстановить регистрацию. Регистрацию

восстановили, но без права служить в Днепропетровской епархии.

1 Епископ Стефан (Никитин; 1895—1963) — по образованию врач, с 1927 г. — священник, в 1952 г. пострижен в монашество. В 1960—1962 гг. был епископом Можайским и председателем Хозяйственного управления Московской Патриархии.

Назначение в Курско-Белгородскую епархию. Монашеский постриг

Готово сердце мое, Боже,
готово сердце мое.
(Пс. 56, 8)

Многие правящие архиереи в то время боялись брать к себе изгнанных священников, поэтому ничего больше не оставалось, как ехать к Святейшему Патриарху за благословением. С большой скорбью отец Серафим снова покинул родные места, где начинал свое пастырское служение. Целый месяц батюшка, ожидая приема у Патриарха, ночевал на вокзале. Но Господь не оставил Своего верного служителя. Скорбь его обратилась в радость. Наконец, уже получив назначение в Архангельск, в приемной у Патриарха Алексия I он встретился с владыкой Леонидом (Поляковым)¹, и тот пригласил его служить в Курско-Белгородскую епархию. Владыка Леонид безбоязненно принимал к себе оклеветанных, отверженных из-за их происхождения и прошлой жизни священнослужителей и постоянно поддерживал их. Владыка полюбил гонимого

праведника и был рад, что Господь послал ему такого пастыря. У них все было общее: и дух, и мысли, и дела. Их служение было сокровенным, требовало обдуманых общих усилий, соблюдения предельной осторожности. Из-за постоянной слезки их многие встречи были тайными. Батюшка отправился в Белгородскую область, в деревню Соколовка Корочанского района, в храм в честь Успения Пресвятой Богородицы, что примерно в сорока километрах от Белгорода.

1 Со временем владыка Леонид (Поляков; 1913—1990) стал духовным чадом отца Серафима, их связываю двадцатидвухлетняя братская дружба. Родился он в Петербурге, до 1949 г. работал врачом, был на фронте. В 1949 г. рукоположен во диакона. В 1952 г. закончил Ленинградскую Духовную академию со степенью кандидата богословия и в Псково-Печерском монастыре принял постриг с именем Леонид. В 1955 г. рукоположен во пресвитера. Был доцентом Ленинградской и инспектором Московской Духовных академий. В 1959 г. хиротонисан во епископа Курского и Белгородского. С 1966 г. — архиепископ Рижский и Латвийский. С 1979 г. — митрополит. Погребен в Рижской Спасо-Преображенской пустыни.

Вспоминает схимонахиня Ермогена (Денисенко): «После закрытия монастыря мы, сестры, ездили к отцу Димитрию в Михайловку. Власти устроили на нас гонения. Мы ночью уходили, чтобы не навредить батюшке. Провожая, он обливал нас горькими слезами. Когда епископ Леонид пригласил отца

Димитрия в Курско-Белгородскую епархию настоятелем Успенской церкви в селе Соколовка, я просила у батюшки благословения поехать с ним. Он мне ответил: «Деточка, куда я тебя возьму, это такая дальняя деревня, ты больная, а мы поедem с инокиней Верой».

Так инокиня Вера осталась с батюшкой, помогала петь, читать, пономарить. Она очень болела, но по молитвам отца Серафима ее туберкулез «затих». Потом, когда они жили в Ракитном, она совершенно забыла, что болела. Так она стала келейницей отца Серафима, его постоянной спутницей. Впоследствии отец Серафим постриг келейницу в монашество с именем Иоасафа. Она оставалась помощницей отца Серафима до самой его кончины.

Отец Валерий Бояринцев вспоминает: «Я посетил батюшку в Соколовке, прожил недели две-три, близко с ним общаясь. В деревне была большая деревянная Успенская церковь. Я, как мог, обновил иконостас. Отец Димитрий радовался, что мы успели к Преображению. Молящихся было мало: немногие в те годы отваживались появляться в церкви. Но насколько же благостным было богослужение отца Димитрия! Начиная часов в 6, а заканчивая в 2 часа дня. Он никуда не спешил, все делал очень тщательно».

Все долгие годы своего пастырского служения отец Димитрий вынашивал сокровенную мечту о монашестве. Он молился словами преподобного

Исаака Сирина: «Исполни, Господи, сердце мое жизни вечной!» В действительности, монахом его называли задолго до пострига, уже в духовной семинарии, замечая его склонность к аскетизму, постоянное чтение Евангелия. Позже, в годы пастырского служения, люди тоже видели в нем монаха. В личном деле отца Серафима епископ Курский и Белгородский Серафим писал: «Протоиерей Димитрий Тяпочкин отличается особой религиозной настроенностью, богослужение совершает строго по уставу. Тих, скромн, ведет строго монашеский образ жизни. Прихожане любят своего пастыря».

Накануне дня священной памяти святого апостола и евангелиста Луки — 18/31 октября, когда исполнялось сорокалетие священнического служения, отец Димитрий подал епископу Леониду прошение, в котором писал: «В 1933 году я овдовел, - остался с тремя дочерьми. В постигшем меня вдовстве я уразумел Промысл Божий. Иночество стало моей заветной мечтой, как в гады юности — пастырство. Новые жизненные испытания все более укрепляли мое желание принять иноческий постриг. И ныне не только желаю, но и жажду хотя бы в единонадесятый час выйти на делание в иноческом винограднике Церкви Христовой, подражать подвигам тех, кто имеет милость Божию трудиться в винограднике от первого часа (Мф 30, 1-6). Вместе со святым Псалмопевцем Давидом взываю: «Готово сердце мое. Боже, готово сердце мое» (Пс. 56. 8).

Припадая к святительским стопам Вашего Преосвященства, смиреннейше прошу удостоить меня пострижения в монашество с оставлением на занимаемом приходе. Если не будет с моей стороны нарушением послушания, то дерзаю просить при постриге дать мне святое имя преподобного Серафима Саровского, которого с детства почитаю своим небесным покровителем. В назначении меня Его Святейшеством в Курскую епархию, земную родину преподобного Серафима, тоже вижу Промысл Божий».

31 октября 1960 года в Казанском кафедральном соборе г. Курска, который строили родители преподобного Серафима, епископ Курский и Белгородский Леонид (Поляков) совершил постриг протоиерея Димитрия в монашество с именем Серафим, столь хорошо выражавшим пламенную любовь постриженника к Господу и стремление ревностно служить Ему и людям. Восприемником при постриге был иеромонах Геннадий (Давыдов).¹ На постриг отца Димитрия благословил известный Глинский старец схиархимандрит Андроник (Лукаш).² На следующий год иеромонах Серафим был возведен в сан игумена.

1 Отец Геннадий (Давыдов, в схиме Григорий † 1987) более двадцати лет знал отца Серафима. Во время сталинских репрессий он был осужден на десять лет лагерей. Срок отбывал на Колыме. С 1957 г. до кончины служил в храме с. Покровка, что в шестидесяти километрах от Ракитного. См. кн.: «Белгородский старец схиархимандрит Григорий

(Давыдов)». ТСА, 1997.

2 Схиархимандрит Андроник (Лукаш). Род. в 1889 году в с. Лупа Лохвицкого уезда Полтавской губернии. В 1906 г. поступил в Глинскую пустынь. В 1915 г. призван в армию, был на фронте, попал в плен к австрийцам. В 1918 г. вернулся в обитель. В 1920 г. пострижен в рясофор, а в 1921 г. в мантию с именем Андроник. В 1922 г. рукоположен во иеродьякона. В 1923 г. арестован и сослан на Колыму на пять лет. Освобожден досрочно и вернулся к епископу Павлину, у которого был келейником. С 1926 г. иеромонах. В 1927 г. пострижен в схиму (в связи с серьезным заболеванием). В 1939 г. вторично осужден и сослан на Колыму. В 1948 г. вернулся в Глинскую пустынь. В 1961 г. после закрытия обители переехал в г. Тбилиси к митрополиту Зиновию (Мажуга). Служил в храме Мександра Невского. Скончался в 1974 г., похоронен на Грмагельском городском кладбище в Тбилиси.

Приняв монашеский постриг, отец Серафим выразил желание остаться на своем приходе, то есть жить в миру. Казалось, батюшке с его подорванным здоровьем, любящему уставную службу, хорошее пение, с его склонностью к аскетизму, было бы лучше служить Господу в монастыре. Он же видел, что Промысл Божий о нем иной — быть монахом в миру, посвятить себя всему миру.

Недолго иеромонах Серафим прослужил в Соколовке. Снова начались гонения (но теперь от местных властей и лице председателя колхоза) за ревностное служение Церкви и любовь к своему пастырю

односельчан. Через год он был переведен на новый приход.

Перевод в Свято-Никольский храм

На Святой Руси есть много неугасимых лампад, в которых, вместо елея, день и ночь горит любовь к Богу и ближнему.

(Из жизнеописания Глинского схимонаха Луки).

В день Покрова Пресвятой Богородицы 1 (14) октября 1961 года игумен Серафим служил первую Божественную литургию в храме Святителя Николая в поселке Ракитном. Здесь пройдет вся его последующая жизнь в постоянном пастырском подвиге. Здесь он станет таким, каким его мы знаем — батюшкой Серафимом, старцем из поселка Ракитное.

— Я вам такого батюшку дам, какого у вас никогда не было, — сказал епископ Курский и Белгородский Леонид Екатерине Ивановне Лучиной (в монашестве Серафимы, 1917—1998), хлопотавшей о священнике для своего прихода в Ракитном. «Сижусь с членами церковного совета в приемной канцелярии владыки, — вспоминает она. — Среди ожидающих вижу старенького священника. Он смотрел на нас. Говорю себе: «Это наш батюшка». Через некоторое время вызывают: Ракитное. Батюшка встает. Он показался мне как в поле: худенький и бедненький колосочек. Вошли вместе... Потом батюшку посадили в машину и увезли к уполномоченному на прием. Увиделись снова на вокзале. Он сидел возле стены, сложив руки.

...На меня восстал ракитянский церковный совет: «Ты сухого привезла, шкелета». Восстали и на него. В домике, где поселили батюшку, было холодно, нетоплено. Он сидел на полу, наливал какую-то ржавую воду в консервную банку и обмакивал в нее сухарик. Староста Мария била меня в храм за то, что я такого батюшку привезла. Вскоре она умерла. Шла со службы, случился приступ, она упала лицом в лужу и уже не поднялась».

О своем приезде в Ракитное батюшка вспоминал так: «На станцию Готня¹ приехал я с монахиней Иоасафой. Встретила нас Екатерина Ивановна Лучина. Она с матушкой ушла, а я сел в крытую грузовую машину и поехал. Все сидят, я один стою, упираясь головой в потолок. Дороги плохие, меня бросает из стороны в сторону. Никто не уступил мне места, хотя всем было ясно, что перед ними священник. Приехали к церкви, а она на замке, кругом ни души. Пошел спрашивать по дворам, у кого ключ. Ключ у старосты, а она живет в соседнем селе, может, приедет к вечерне. Голодный, замерзший, ждал возле храма старосту. После службы кушать было нечего, спать не на чем. Открыли крестилку, лег на голый пол. Через несколько дней кто-то из прихожан сжалился и принес старую солдатскую кровать.

1 Готня — ж/д станция в 8 км от Ракитного. Там был домик, где жила мать монахини Иоасафы Екатерина, который батюшка называя «наше подворье». Иногда отец Серафим там уединялся для молитвы, а иногда принимал кого-либо из приезжих.

Церковь имела совершенно заброшенный вид: купол разбит, кровли нет, отвалившиеся куски штукатурки, разбитые окна и двери, прогнившие доски пола. Безмолвный стоял храм. Смотреть на него без слез было невозможно».

Восстановление храма

Если сколько-нибудь можешь верить,
все возможно верующему.
(Мк. 9, 23)

С приходом отца Серафима началось возрождение Свято-Никольского прихода. Он вступил в новое служение настоятеля тихо и смиренно. Приход был разрушен: и храм, и души. Отец Серафим начал восстановление прихода не со сбора средств, не с денег, как это у нас часто водится в церковной жизни, а с молитвы. Будучи бессребреником, отец Серафим никогда не «искал даяния» (Кол. 4, 17). Он брал только записки о поминовении, к деньгам же не прикасался.

Он сам устроил печки в алтаре и в храме, добыл уголь. Все равно было очень холодно. Перед богослужением батюшка убирал снег в алтаре. Когда он выходил с Чашей причащать, его рука дрожала от холода.

Пол качался. Однажды Екатерина Ивановна провалилась и обнаружила большой подвал, как второй храм, который потом стал кочегаркой, дровяным складом и одновременно

странноприимным местом - кельей на дровах для паломников.

Начальник района разрешил служить только ночью, чтобы люди ходили в колхоз, а не в храм. В воскресенье разрешалось служить до 9-00, а потом церковь - на замок. Отец Серафим как-то говорил внуку: «Хорошо, что службу знал на память, а то свечей нет, только коптилка. В церкви пусто. Ни петь, ни читать, ни кадило раздувать некому. Зато можно всю ночь служить». Я спросил: «А проповедь кому говорили, если пусто было? На что получил ответ: «Но ведь в темноте кто-то мог быть? Для них и говорил».

Трудно представить это: темный храм, ночь, мороз, а священник говорит проповедь и, я уверен, плачет по своему обыкновению.

День и ночь в храме творилась молитва благодарения ко Господу, молитва о помощи и возрождении поруганных святынь, о спасении потерявших Бога человеческих душ. Отец Серафим пришел на приход, как странник, без всякого внешнего величия, желая вместе с прихожанами жить во Христе, вместе страдать, вместе радоваться.

Шли годы, тьма медленно отступала, опять вокруг отца Серафима и прихожанами Свято-Никольского храма образовалась та атмосфера добра и любви, которую душа православного человека безошибочно чувствует, как пчела улавливает запах цветка за многие километры, так и истинные верующие почувствовали за тысячи километров своего пастыря.

С помощью Божией, усердием своих духовных чад и благотворителей отец Серафим постепенно восстановил Никольский храм. Появились столь необходимые строители, архитекторы, столичные художники, иконописцы. Над росписью храма трудился иеромонах Зинов, он же написал иконы нижнего ряда иконостаса, расписал боковые стены храма. В восстановление храма отец Зинов внес ценную лету. Впервые он появился у отца Серафима осенью 1975 года, в Михайлов день. Батюшка удивился, что молодой человек после армейской службы сразу же пришел в церковь.

Когда отец Серафим узнал, что он иконописец, то попросил его написать литургистов, составителей чинов литургии - Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Двоеслова, апостола Иакова - для алтаря храма. Он написал фигуры в полный рост и вскоре привез холсты. Он же предложил батюшке расписать купол. Гак появился огромный, на весь купол, лик Христа, держащего Евангелие, открытое на словах: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как Я возлюбил вас...» (Ин. 13, 34). А ниже написал четырех евангелистов. В один из моих приездов в Ракитное я застал отца Зинова за росписью стен храма. Две-три недели, которые я пробыл с ним, помогая ему, я не услышат от него ни одного праздного слова. Он был молчалив, сосредоточен, писал быстро и целеустремленно. За свой труд денег не взял. На стене под куполом им написаны первые русские мученики — страстотерпцы Борис и Глеб, а также великомученик

Димитрий Солунский, Преподобный Сергей Радонежский, священномученик Корнилий Псково-Печерский, преподобные Иов Почаевский и Серафим Саровский. В притворе слева — преподобные Антоний и Феодосии Киево-Печерские, справа - преподобные Сергей и Никон Радонежские, на колоннах — равноапостольные великий князь Владимир и княгиня Ольга. Под аркой в медальонах — первомученик архидиакон Стефан, великомученицы Варвара, Параскева и Екатерина.

Отец Серафим любил отца Зинона, одаренного, духоносного иконописца, особой любовью за его скромность, талант и огромное трудолюбие. Батюшка всегда находил ему место для ночлега в своем маленьком церковном домике, где жил сам.

Тот, кто помнит Свято-Никольский храм в первые дни служения старца, теперь его не узнает. Он совершенно преобразился, замерцал множеством лампад перед образами (в храме электричества не было), что создает ощущение отрешенности от всего суетного и земного. Рано утром затепливалось многолампадное паникадило. Во мраке храма вдруг появлялся светлячок, потом второй, третий — и вот их уже много, и они все плавно улетают и зависают в подкупольном пространстве. Словно маленькие звездочки, они таинственно мерцая, сливаются в единый свет, восходящий к Богу и умиляющий души, - все настраивает на молитву, на тихую беседу с Богом.

Но самая главная забота отца Серафима была о внутреннем храме всех тех, кто приезжал к нему, — о душах человеческих.

Власти запрещали принимать посетителей, устраивали облавы, проверки паломников, как нарушителей паспортного режима.

«Контроль был сильный со стороны властей, — вспоминает внук батюшки Димитрий (ныне диакон). — Все встречи, беседы проводились по дороге в храм, на исповеди и по дороге из храма. В те годы была очень тонкая конспирация, которая отнимала много нервов и сил, но зато это огораживало от опасных людей и к батюшке допускались только истинно верующие, жаждущие духовного окормления».

Батюшка встречал всех, как отец своих чад, с безмерной любовью и лаской, давая понять, что никакие грехи человека не могут затмить любви Божией.

Еще будучи настоятелем Днепропетровского собора, отец Димитрий приютил сестер закрытого в 1959 году днепропетровского Тихвинского женского монастыря — Никодиму, Агриппину и Ермогену. Он снял им квартиру. Когда отцу Димитрию запретили служить в епархии, он был вынужден уехать. Матушки Никодима (в схиме Михаила; † 2000), Агриппина и Ермогена, решили поехать с отцом Димитрием в Соколовку и взять с собой инокиню Веру Деменскую (впоследствии монахиня Иоасафа, 1926—1989), которая в то время была не устроена. У нее было

много родных, но все они были люди мирские, а ей хотелось жить среди близких по духу людей, то есть в каком-нибудь монастыре. Она была больна туберкулезом бедренной кости. Они вчетвером договорились ехать к батюшке, но Никодима, Агриппина и Ермогена поехали, по благословению отца Димитрия, в Киевскую лавру, а Вера на некоторое время уехала к духовной матери в Никополь.

Мать Иоасафа вспоминала, что на первых порах в Ракитном на богослужениях никого не было, иногда приходили две-три старушки, а в основном они с батюшкой были вдвоем в холодном полуразрушенном храме.

Стены алтаря были покрыты инеем, а сверху падал снег. Казалось, нужно бы, не мешкая, браться за ремонт, искать людей, средства, материалы. Но батюшка не прикладывал никаких видимых усилий, чтобы развернуть восстановительные работы. Только — каждодневная молитва. Служба продолжалась с семи утра и до вечера. Когда матушка Иоасафа совсем замерзала, отец Серафим отпускал ее попить чайку, а сам пребывал в молитве. В непогоду отовсюду текло. Через щели разбитого купола вода струилась по стенам храма. Это не мешало редким прихожанам, нескольким старушкам. Тем более это не мешало отцу Серафиму, прошедшему через холод и лишения лагерной жизни. Для него все это уже не имело значения. Через тяготы долгих испытаний он ощущал силу Божия присутствия, заступления и

помощи, в еще вчера отверженном храме теперь день и ночь звучала молитва благодарения ко Господу, молитва о помощи в возрождении поруганных святынь, о спасении потерявших Бога человеческих душ. И постепенно пришла помощь. Господь послал благодетелей, помощников, строителей — все необходимое.

«Как-то в храме во время ремонта, — вспоминает иеродиакон Николай (Трубчанинов), ныне схииеромонах Амфилохий с Украины, — работали строители, совершенно далекие от веры. Не очень-то утруждая себя, они в обед подвыпили, хорошо закусили и, уже разомлевшие, готовились к послеобеденному отдыху. С приближением отца Серафима они панибратски проронили: «Ну что, отец?» Наблюдая за этим, я внутренне сжался, подумал: «Как они себе такое позволяют? Ну, сейчас он им покажет!» Батюшка остановился, внимательно посмотрел на всех. Потом стал подходить к каждому, обнимал, обхватывал ладонями голову, долго глядел в глаза и нежно целовал в обе щеки. Никакая грубость, никакое пренебрежение не могли устоять перед батюшкиной любовью! Ошеломленные, притихшие, вмиг протрезвевшие строители тут же взялись за дело».

Староста Екатерина рассказывала, как однажды нагрянули к батюшке местные власти, чтобы отругать его за то, что в церковной ограде была построена маленькая просфорня. Перед своим приходом они вызывали ее к себе, ругали, грозили закрыть храм за

самовольство, и вот пришли к «нарушителю» сами, чтобы застрашать и наказать его.

Важные, с папками, они входят в церковный дом. Отец Серафим приветливо встречает их у порога и говорит келейнице: «Матушка Иоасафа, какие к нам гости пришли!» Он сразу же взял их в свой покой, в свой мир, и, пригласив сесть за стол, спросил с любовью и лаской о их жизни. Потом появился на столе чай. Беседа продолжалась. Гости забыли, зачем пришли, настолько старец покрыл всех тихостью Христовой, покорила кротостью. Когда уходили от него, батюшка тепло с ними попрощался. Пришли волками, а ушли овечками, потому что увидели, что они любимы.

Гонители оказывались самыми близкими отцу Серафиму людьми, ибо больше других нуждались в духовной помощи. Они не просили о ней, считали, что Бога нет, но в этом отвержении Творца отец Серафим сердцем слышал крик о помощи и откликнулся на него всем своим существом, всей своей жизнью.

Все люди без исключения имели право на его любовь, у него не было первых и вторых, все были первые, все желанные; каждый человек - образ и подобие Божие, значит, он достоин уважения и любви.

Вскоре образовался приход, жизнь налаживалась. Как водится, появились и недоброжелатели. Такое усердное богослужение, редкостное по тем временам, некоторых раздражало. Сохранилось письмо секретаря епархиального управления, касающееся

порядка ежедневного богослужения в храме. После поздравления отца Серафима с праздниками Рождества Христова и Богоявления, а также с Новолетием следует указание: «Ваш церковный совет написал уполномоченному жалобу, что Вы ежедневно служите в храме, что служба в будние дни не оправдывает расходов, связанных со службой. Уполномоченный предупреждает Вас, чтобы Вы в будние дни не совершали служб, в будние дни советует молиться дома, в своей комнате, а служить только в воскресные и праздничные дни. Владыка благословил выполнять это предложение уполномоченного во избежание больших неприятностей для Вас.

С искренним уважением и любовью к Вам протоиерей Порфирий. 12.01.1962 г.»

После такого запрета в храме служили только по субботам, воскресеньям и праздникам, а в будни — келейно. Власти боялись каждодневного паломничества в сельский храм людей со всех концов нашей необъятной страны.

Вспоминает Евгений Иванович Федак, из Лисичанска Луганской области: «В один из приездов в Ракитное мы вчетвером поехали за известью на сахарный завод. Яма глубокая, за два раза вперекидку лопатой вынули эту известь. Тяжело было, лопата вязла. Привезли к храму, разгрузили. Сильно устали, руки болят, нельзя разогнуть, а нам говорят, надо еще поехать на погрузочно-разгрузочные работы в другое

место. Я матушке Иоасафе ответил, что рук не могу поднять, сильно устал. Повела она меня к батюшке, тот благословил. Откуда сила появилась! Уж не знаю, как он восстановил меня, но усталости как не бывало. Я только сказал: «Для вас, батюшка, я куда угодно поеду и любую работу выполняю». Все сделал и был радостным после выполненной работы».

Для всех, кто восстанавливал храм, опорой и поддержкой в трудностях была неиссякаемая батюшкина молитва. Это чувствовали и жители, и администрация района: местные сахарные заводы и предприятия работали здесь хорошо, на полях был большой урожай, дожди выпадали в нужное время, при уборке сахарной свеклы всегда стояла хорошая погода.

Все в церковно-приходской жизни делалось только по благословению старца. Но не обходилось и без искушений. Однажды собралась приличная сумма на ремонт храма. В комнату, где лежали деньги, под каким-то предлогом проникли цыгане. Матушка Иоасафа перед этим на минутку вышла, а когда вернулась, то не обнаружила денег, да и другие вещи пропали. Сказали о случившемся батюшке. На следующее же утро в церковь пришел денежный перевод на сумму, превышающую украденное.

Когда я приехал и узнал об этом, — вспоминал внук Димитрий, то попросил рассказать подробности, но дедушка улыбнулся и сказал: «Успокойся, меня ничуть не обидели, возможно у них была нужда, а меня

обокрасть невозможно, у меня ничего нет». И добавил: «Слава Богу!»

Помощником отца Серафима при совершении богослужений в храме стал болящий иерей Григорий Сопин (1936-1990), который после травмы позвоночника не мог передвигаться и попросился у батюшки остаться при нем. Старец с любовью пригласил его и даже пообещал, что будет отдавать ему свое жалованье. По молитвам батюшки отец Григорий начал ходить при помощи костылей, совершать требы и петь на клиросе. У него оказался хороший голос. Отец Серафим очень любил отца Григория и был благодарен ему за труды, которые тот нес в храме.

Милующее, нежное сердце батюшки сострадало не только человеку, но и всей Божией твари. Он испытывал благоговение ко всему живому, к каждой былинке. После дождя в храм шли всегда очень медленно, — вспоминает внук Димитрий. — Нужно было обойти всех червячков, жучков, паучков. Дедушка шел впереди и внимательно следил, чтобы никто ни на кого не наступил». Во г несколько случаев, записанных со слов детского писателя Геннадия Снегирева (1930-2004), из Москвы. «Однажды в келлию к нему залетела большая муха. Своим жужжанием она раздражала матушку Иоасафу, и та старалась выгнать ее. Батюшка, видя ее намерение прибить муху, которая в открытую дверь почему-то не вылетала, сказал: «Матушка, не убивайте муху, пусть живет».

Как-то старец спросил у работающих на кухне: «А где наш кот?» Ему ответили, что кот уже старый, беззубый, мышей не ловит, к тому же весь плешивый, поэтому его отнесли в овраг. Батюшка помолчал, а затем сказал: «Отыщите кота, вымойте, постелите ему чистую подстилку, и пусть живет на кухне, кормите до самой смерти».

В другой раз — кошка принесла шестерых котят. На кухне им не нашлось места, и их отнесли подальше от храма. Узнав, что котят выбросили, батюшка велел принести их обратно, чтобы кошка выкармливала».

Сам Геннадий Яковлевич Снегирев был исцелен отцом Серафимом от шума в голове и ушах после травмы. Батюшка только перекрестил ему голову, и тот назойливый «сверчок», что не давал покоя, затих.

«Однажды шли мы на вечернее богослужение, — вспоминает внук Димитрий, - вдруг дорогу преградила веревочка, натянутая строителями, которые делали тротуар, и мы ее не сразу заметили. Дедушка остановился, на секунду задумался и повернул обратно. Мы пошли в храм с другой стороны. Я говорю: «Это случайно, видно, строители забыли снять. Дедушка ответил: «Митенька, забудь это слово. Случайностей не бывает».

«Мама рассказывала, — продолжает внук Димитрий, — что когда они в двадцатые годы жили в селе Михайловке, и семья их была еще в полном составе, дедушка разводил пчел. У них было 25 колодок (ульев). Он очень любил пчел, и они его тоже.

Однажды сосед напился пьяным, нагрубил, а утром приходит соседка вся в слезах и просит у дедушки прощения за мужа-грубияна. Ее успокаивают, после чего она рассказывает: «Рано утром муж пошел в погреб попить квасу. Туда добрался благополучно, а назад выйти не может уже часа три. Сидит в погребе, пчелы его всего искусали и не выпускают, и ее к погребу не подпускают. Лицо у соседа опухло, хмель прошел, и он попросил сходить к отцу Димитрию, попросить у него прощения». Дедушка сразу же пошел с соседкой. Пчелы утихомирились. Опухший и перепуганный сосед просил прощения со слезами уже у всех сбежавшихся на шум соседей и действительно бросил пить. Мама была врач-фтизиатр. Ее пациенты лечились годами и многие выпивали. Она говорила, что на территории больницы надо разводить пчел, это хорошо помогает. На ее памяти это не единственный случай столь быстрого излечения от такого страшного недуга».

Частыми посетителями батюшки, помимо простого люда, были епископы, священники, иноки и инокини, студенты духовных школ. В лице отца Серафима они находили опытного духовного наставника, любвеобильного и простого душой старца. Люди видели в отце Серафиме такого пастыря, которому можно верить безусловно, ибо в нем жил Дух Святой. Они вслушивались в каждое его слово, даже в тон голоса, всматривались во все его движения. В нем все было чисто и свято. Доверие и послушание слову отца Серафима было так велико, что не возникало никаких

сомнений или беспокойства. Весь облик батюшки говорил о внутренней тишине и мирности.

«Хотелось слушать любое его слово, — вспоминает иеромонах Сергей (Рыбко), ныне игумен, — ловить каждое его движение, я готов был исполнить все, что он скажет, пойти за ним, куда он позовет».

Люди, увидев отца Серафима, встретив его любящий и внимательный взгляд, проникавший в самую душу, излучавший тихую радость и покой, падали на колени, плакали, а он радовался этим слезам как знаку начавшегося пробуждения их душ. Батюшка, разумеется, не относил этого поклонения к себе, зная, что Дух Святой действует через него. Он всегда оставался скромным и незаметным человеком. Физическая немощь отца Серафима только сильнее выявляла действие в нем Святого Духа.

Отец Серафим благоговел перед человеком, независимо от его греховности или святости. Он в каждом видел образ Божий, и хотел помочь другому увидеть его в себе. Как духовник многих чад батюшка стремился помочь им становиться совершенными, святыми Церкви Христовой, которую он называл «нашей чадолюбивой Матерью». «Славьте же Христа все, - говорил он в проповеди, — славьте Его в домах ваших, славьте Его в семействах ваших, славьте Его во всей жизни вашей». Своим духовным чадам батюшка писал, хотя и редко, глубоко назидательные письма и посылал поздравления к праздникам Святой Церкви. По этим письмам, проповедям в храме и

отдельным словам, обращенным к разным лицам, по его молитвенному плачу во время литургии в какой-то мере можно было судить о высоком устройении его души, о его дерзновенной молитве и горячей любви к Богу и ближним.

По своему глубочайшему смирению отец Серафим старался скрыть свои подвиги и духовные дарования: прозорливость, способность исцелять, которыми он, безусловно, обладал. Дар прозорливости помогал ему предельно сокращать время беседы с посетителями. Старец шел по живому коридору богомольцев в храме и на улице и, подходя к кому-либо, давал ответ на вопрос, который еще не был задан. Ему совершенно чуждо было осуждение. Если кто-либо приходил к нему с тяжбой на ближнего, начинал подробно рассказывать о происшедшем и о своем обидчике, батюшка учтиво останавливал, но так, чтобы не оскорбить говорившего, и призывал помолиться за обидчика. Тут же все смущение рассеивалось, обида утихала. Достигал он этого тем, что, молясь, внутренне оставался спокойным, невосприимчивым ко всему плохому, чуждому его душе, по слову заповеди Христовой: блажени миротворцы, яко тии сынами Божиими нарекутся (Мф. 5, 9).

М.Д. Гребенкин пишет: «...Однажды приехал владыка Хризостом и во время богослужения в проповеди начал отчитывать народ, приезжающий в Ракитное из других мест, мол, что они тут ищут, какую святыню. Тогда он батюшку еще не знал хорошо. Меня это так задело. Я стоял и думал: «Боже мой! Владыка, как вы

так можете говорить о батюшке?». После обеда владыка уехал, и мы сели за стол. Я хотел было высказать свое недовольство происшедшим, но батюшка опередил меня, и сказал: «Какой владыка Хризостом хороший». До трех раз я старался высказаться, и каждый раз батюшка перебивал меня и хвалил архиерея. Потом владыка Хризостом узнал батюшку ближе и очень любил к нему приезжать».

Когда общение с кем-либо теряло духовный смысл или собеседник начинал кого-нибудь осуждать, отец Серафим выключался из разговора. К нему приезжал молодой священник, служивший где-то «в верхах», и начинал рассказывать о «мелочах архиерейской жизни». Батюшка вставал из-за стола и уходил к себе в келлию. Тогда священник приходил к нему в келлию и, сидя на корточках у кровати, наклонившись к уху батюшки, продолжал свои рассказы, а тот... засыпал.

Отец Серафим видел тех, о ком ему рассказывали, совершенно иначе. Интриги его совершенно не интересовали, потому что он любил всех людей, несмотря на их немощи и падения.

Возрастание в святости совершается постепенно. В духовной жизни не должно быть рывков. Об этом отец Серафим напоминал тем, кто горячился, стремился к высшим подвигам раньше времени. «Приносили ко мне постников, — вспоминал он, — которых приходилось отпаивать из чайной ложечки». Приезжала к батюшке одна семья из Запорожья, глава которой был грузчиком. Из аскетической

ревности он в первую неделю Великого поста вообще ничего не ел и естественно, заболел. «Как же так, — говорил отец Серафим, — работает грузчиком и ничего не ест». Он любил повторять, что высшая добродетель — не пост, не подвиг, а рассудительность. Демоны препятствуют нам делать возможное, говорили Святые Отцы, а к невозможному принуждают. Отец Серафим просил беречь свое здоровье, не брать на себя того, что непосильно, часто повторял: «Здоровье нужно нам для молитвы».

Гонения продолжаютя

Любовь познали мы в том, что он положил за нас душу Свою:
и мы должны полагать души свои за братьев.
(1 Ин. 3, 16)

Все годы пастырского служения отец Серафим пребывал в стесненных обстоятельствах, в том смысле, что не мог принять всех, кто нуждался в его духовном окормлении. Эти обстоятельства порождались запретами уполномоченных Совета по делам религий, которых пугало каждодневное паломничество в сельский храм. Подобными запретами объясняются и рекомендации правящего архиерея, к которым отец Серафим вынужден был прислушиваться. Своим духовным чадам батюшка все объяснял своей физической немощью, хотя причина, как мы теперь знаем, была не только в ней. Из бесед старца можно почувствовать, как он переживал сложившуюся ситуацию. Отец Серафим

говорил: «Дети мои духовные. Отцовско-пастырским долгом считаю необходимым оповестить вас, что по состоянию своего здоровья и по сложившимся обстоятельствам не могу принимать вас у себя на дому и вести беседы. За мной остается духовное руководство лишь в храме, состоящее в молитвах. Болящие, страждущие и скорбящие! Вы обращаетесь ко мне, прося моих молитв. «Всецелительная моя сила — Христос!» — восклицал в дни своей земной жизни святой великомученик Пантелеймон, и я, недостойный, — тоже.

Сколько раз приходилось исправлять ваши обращения, «что прибыли сюда лечиться». Я не лечу, а молюсь. И если по молитвам больные получают исцеление, страждущие - ослабу, скорбящие — утешение, то это от Господа. Вести об этих исцелениях распространились далеко. Вы стекаетесь сюда из разных мест, принять же вас я уже не в состоянии. В силу этого за мной остается общецерковная молитва о болящих, страждущих и скорбящих: в храме — у жертвенника и святого престола, частная — у себя в келлии. Я повторяю, что никаких отдельных бесед я вести не могу ни в храме, ни на дому. Прошу за все прощения и ваших святых молитв. Да укрепит Пастыреначальник Христос мои телесные и духовные силы и даст возможность стоять у святого престола до последнего моего издыхания...»

Приводим письмо, написанное отцом Серафимом правящему архиерею, епископу Курскому и Белгородскому Николаю.¹

1 Николай (в миру Орест Николаевич Бычковский; 1893— 1981) — духовный сын отца Серафима. С 1915 г. — иерей в г. Житомире. В 1971 г. пострижен в монашество и рукоположен во епископа Курского и Белгородского. С 1974 г. до кончины окормлял Пермскую епархию. Погребен в церковной ограде кафедрального собора г. Пермь.

«Ваше Преосвященство, Преосвященный дорогой Владыко!

Спаси, Господи! Приношу сердечную благодарность за Ваш отеческий прием, оказанный мне, недостойному. Глубоко тронутый Вашей архипастырской любовью, по возвращении восвояси, я озабоченно стал искать средства к исполнению Вашего наставления. Решение создалось таковое. С церковного амвона в удобное время я несколько раз обратился к болящим, которые приезжают, и к тем, которые привозят больных, чтобы внушить, что нет необходимости в их личном здесь присутствии. Милосердный Господь заочно исцелил слугу капернаумского сотника — по вере его. Прежде всего нужны вера и покаяние больного, так как часто грехи являются причиной болезней. Приступать же к Таинствам Покаяния и Причащения Святых Тайн Христовых можете и в своих приходских храмах. Если же желаете и просите и моих молитв, дайте ваши святые имена, и я, недостойный, заочно буду молиться.

В беседе с Вашим Преосвященством я вспомнил протоиерея отца Иоанна из Глухово. Отец Иоанн

лечил, давая лекарства. Я же, недостойный, только молюсь. Ранее я вычитывал над больными и страждущими, ныне молитва моя о болящих состоит в совершении молебна и водосвятия.

С амвона хочу сказать, что посещения меня на дому и частые беседы в храме для меня уже непосильны по телесному моему состоянию. Прошу же быть удовлетворенными храмовой молитвой без посещения меня на дому и частных бесед в храме.

Дорогой Владыко! Можно ли так поступать во исполнение Вашего наставления и для общей церковной пользы? Смирнейше прошу Вашего хотя бы кратенького ответа.

Припадая к святительским стопам Вашего Преосвященства, усерднейше прошу архиерейского благословения и святых молитв Вашего Преосвященства».

Чем труднее становились обстоятельства жизни, тем терпеливее был батюшка, зная, что против скорбей все святые имели одно средство — терпение и молитву. Он терпел с расположением на Волю Божию, поэтому эти скорби не лишали его душевного мира.

Те, которые, по милости Божией, удостаивались исповеди у старца, ощущали, как его любящий взгляд проникал глубоко в их сердце и помогал им чистосердечно, по-детски открыть свою душу.

Каждого приходящего к нему отец Серафим принимал таким, каков он есть, ничего ему не навязывал, не укорял, не обличал, а внимательно выслушивал его.

«Это был не обличитель, который знал все о человеке, — пишет архиепископ Евлогий (Смирнов), но близкий и родной человек. Не было во мне и страха, удерживающего от исповеди, наше общение скорее походило на доверительную беседу сына с отцом».

Отец Серафим из опыта знал, что человек без помощи свыше не может принести должного покаяния Богу, поэтому сам, часто со слезами, безмолвно умолял Бога о том, чтобы Он послал благодать покаяния согрешившим. В общении с батюшкой человек постепенно начинал открываться, сам снимал свою маску, потому что с ним можно было только быть, а не казаться. Он всем своим существом призывал тебя жить, быть живым и давал искру этой жизни. От него люди уходили преображенными его миром и любовью. Исповедуя, батюшка не делал строгих выговоров, не накладывал епитимий, не назначал особых молитвенных правил или постов, но умел дать почувствовать человеку, что необходимо изменить жизнь, возненавидеть грех и следовать воле Божией, призывающей грешников ко спасению.

Любовь к богослужению

... Если б я мог передать хоть одну десятую долю той радости, которую я переживаю

во время Божественной литургии!
(Из письма отца Серафима духовному чаду).

Старцу Серафиму была присуща любовь к богослужению, благоговейная строгость в исполнении церковного устава. «Он всегда внимательно и бережно относился к церковному уставу, — вспоминает архимандрит Зинов. — Старался не только не сокращать богослужение, а делать некоторые прибавления, например, в изобразительные вводил сугубую ектению о здравии и об упокоении». Он говорил, что «все, что приняла и облобызала Церковь, для нас должно быть святым и обязательным».

Но при всем своем благоговейном отношении к традициям он всегда умел, как и оптинские старцы, творчески руководствоваться принятыми установками, когда дело касалось отдельных людей, конкретных ситуаций.

Я помню, как он несколько раз возмущался, когда некоторые священнослужители налагали епитимию в виде многодневного поста — целую неделю человеку не разрешали есть, отлучали от причастия на продолжительное время. Наши каноны это предусматривают. Там и сроки указываются страшные (например, двадцать лет), но применять их нужно с рассуждением».

При отце Серафиме Ракитное стало, можно сказать, маленьким монастырем, где службы совершались строго по уставу. Например, недопустимым было служение утрени вечером. Она всегда совершалась в

положенное время — утром. Тем самым не искажался дух и смысл ее таинственных молитв: «Духом внутри меня я устремляюсь к Тебе, Боже, с раннего утра, ибо суды Твои совершаются на земле...», «Боже и Отче Господа нашего Иисуса Христа, поднявший нас с лож наших и собравший нас в час молитвы! Даруй нам благодать при отвержении уст наших...». Молитва становилась жизнью, а не обязанностью.

Во время богослужения отец Серафим никогда не спешил, все делал очень тщательно, потому что всегда был настроен на тихую беседу с Богом. «Очень большое значение дедушка придавал проскомидии, — вспоминал внук Димитрий. - Частички за свою паству вынимал сам. Это занимало около часа. Беззвучно стоял у жертвенника, поминал он всех по именам. Позже, уже когда силы стали покидать его, призывал на помощь других священников, но следил, чтобы священник сам читал поминания, совершая проскомидию». Архимандрит Виктор (Мамонтов) пишет: «Батюшка рассказывал, как и молодости его потрясла и умилила служба в одном храме. Служили Евхаристию старенькие священник и диакон, кроме них никого в храме не было. Диакон своим дребезжащим голосом уже спел Херувимскую, но батюшка из алтаря почему-то не выходил. Он ждал. Потом приоткрыл диаконскую дверь, чтобы увидеть, что происходит в алтаре. Батюшка стоял у престола и плакал: «Пой еще, пой!» — говорит диакону. Диакон снова запел Херувимскую...

Отец Серафим понимал, что литургической молитвой надо жить, разуместь ее, только тогда возникнет полнота единения с Богом и с ближними, только тогда все будут участниками Евхаристии. Он служил тихо, спокойно, благодатно, весь уходя в молитву. Батюшка не просто говорил или возглашал возглас, а, возглашая, молился, прославляя Господа и прося Его. Он был воистину посредником между Богом и людьми, ходатаем за них, главным звеном, соединявшим Церковь земную, за которую он предстательствовал, и Церковь Небесную, среди членов которой он находился духом. Слезы умиления лились из его глаз. Он ничего не видел около себя, ничего не замечал. Его умиленный взор был обращен к Святым Тайнам, которые покоились на святом престоле. И казалось, что батюшка видит телесными очами Самого Господа, пришедшего снова заклатися за грехи мира. Он переживал всю историю нашего спасения, чувствовал глубоко и сильно всю любовь к нам Господа, чувствовал Его страдания. И сам внешний облик батюшки Серафима изменялся. Он постепенно просветлялся все более и более, озарялся каким-то дивным озарением, будто лучи солнца падали на его вдохновенное лицо. «Я очень любил наблюдать в алтаре за его службой, — пишет М.Д. Гребенкин, — служил батюшка необыкновенно. Воздевая руки к Господу, он как бы сливался с Ним, и слезы у него лились непрерывно. Было очевидно, что в это время для него ничего и никого не существовало». В одном из писем духовному сыну (А.М. Одынецкому) старец писал: «Ох, если б я мог

передать хоть одну десятую долю той радости, которую я переживаю во время служения Божественной литургии». Стоявшие в храме чувствовали, что он горячо молится за них. Дух соборной молитвы всегда присутствовал в богослужениях, совершавшихся батюшкой. Ничто не нарушало общую молитву, наоборот, все способствовало тому, чтобы она состоялась. Пели как могли, иногда ошибались, но все совершалось с вдохновением, внутренним трепетом и вниманием. Это создавало, несмотря на переполненный молящимися храм, глубокую тишину, позволявшую отцу Серафиму, очень слабому физически, никогда не повышать тихого голоса. Когда батюшка произносил молитвы, казалось, что слышишь не слова, а ощущаешь тихое веяние Святого Духа. Это была действительно молитва Духа».

«Со всей теплотой, каким-то неземным дыханием души, со многими слезами творил он о всех горячую молитву к Богу, - вспоминает архиепископ Владимирский и Суздальский Квлогий (Смирнов). — Я услышал такое чтение Евангелия, которое долго еще звучало в моей душе. Читал он всем сердцем, от глубины всего своего существа».

Божественную литургию отец Серафим совершал с особым духовным подъемом, со слезами молясь за прихожан своего храма и за весь мир. Вот что пишет об этом иеросхимонах Сампсон (Сивере): «Монахи, которые совершают литургию, ночью не ложатся спать, они молятся, они вопят, они готовятся

причащаться. У них получается вот такая Литургия.¹ Свет исходил от отца Серафима Белгородского, когда он вышел на проповедь после Чаши (он причащал, потом говорил о великомученике Георгии Победоносце, он буквально омывался слезами). От него исходило сияние, но каждое слово было отчетливо, ясно».²

1 Иеросхилюнах Сампсон (1898—1979) имеет в виду особенную проникновенность в служении подвижников и сугубую благодать Божию, даруемую им во время служения.

У старца Сампсона в келлии рядом с иконостасом находилась фотография архимандрита Серафима.

2 Иеросхимонах Сампсон (Сивере). Беседы и поучения. М, 1995. Т. 2.

По окончании службы в храме люди, светлые и радостные, не спешили уходить, поздравляли друг друга со Святым причащением, знакомились, беседовали. Царил пасхальный дух. Пели, расходились постепенно. Кто-то попадал на трапезу к батюшке, остальные шли по домам, где их принимали на ночлег. Такие трапезы были отзвуком «вечери любви» первых христиан.

Все это совершалось вопреки запретам властей, не разрешавшим отцу Серафиму принимать людей. Согласно их распоряжениям, после окончания богослужения все должны были выходить за ограду храма.

Отец Серафим неукоснительно совершал все службы годичного круга. В те дни, когда служба совершалась келейно, келлия была переполнена желающими разделить молитвенное общение со старцем, на которое допускались и некоторые приезжие. Однако всех желающих маленькая келлия не могла вместить. В этом намоленном месте человека обнимала тишина Богоприсутствия. Молитва отца Серафима, глубокая и сильная, преображала всех находящихся рядом с ним, они чувствовали себя духовно обновленными.

Когда батюшка молился, верилось, что Господь его слышит и старец чувствует Его, как живого, обращается к Нему с такой естественной интонацией, какая бывает в непосредственной беседе с близкими. Он так был поглощен беседой с Богом, что уже казался не молящимся человеком, а живой молитвой.

Достигнув вершины внутреннего сокровенного делания, созерцательной молитвы, отец Серафим не оставлял повседневного правила и всегда с большим желанием молился со всеми чадами и в келлии, и в храме. Он не мог уйти от них, опереться в своей келлии и пребывать там как в пустыне.

Проповедник Истины

... И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы.

(1 Кор. 2, 4)

Неотъемлемой частью богослужения отец Серафим считал проповедь и постоянно проповедовал в храме. Говорил он проникновенно и убедительно. Поучения его были глубоки по смыслу и, вместе с тем, доступны пониманию всех молящихся. Каждому открывалось свое, необходимое именно в эту минуту. В проповедях батюшки не было никакого привычного церковного красноречия. Говорил он весьма просто. Он не искал красивых слов, но проповеди его отличались необыкновенной силой.

Пишет в своих воспоминаниях М.Д. Гребенкин: «Вспоминаю батюшку во время богослужения. Проповедь Без слез он не говорил. Он говорил и плакал, а вместе с ним плакал и весь народ в храме».

Отец Серафим вспоминал, как однажды подготовил по всем академическим правилам свою первую проповедь, получил резолюцию «произнести в храме». И произнес... Потом у него никогда таких проповедей не было. Он не мог говорить от книг, от ума, а только в Духе, сердцем. Его проповедь была живая, нужная как дыхание, и потому она касалась сердец слушавших.

Он вел жизнь настолько чистую, что его сердце, по слову Иоанна Златоуста, «было исписано Духом». Он знал Бога всем своим существом, отдав Ему всего себя, говорил с Ним и о Нем из глубины души.

Однажды в проповеди батюшка сказал о Христе: «Его божественный голос проникал в человеческие души, потрясал умы и влек к нему сердца людей. Они

отзывались на этот голос, шли ко Христу, несли к Нему свое горе, несчастье, скорби, страдания и болезни.

Любовь, которая сияла на пречистом лице Христа, горела в его очах — любовь, которая исходила при всяком дыхании Его. Эта Божественная любовь согревала всех приходящих к Нему, проникала в сердце, вносила покой в душу. И забывая обо всем, эти люди обретали мир и покой».

Простыми словами он рассказывал о жизни Спасителя, люди боялись пропустить хотя бы одно слово, потому что не только верили слышанному, но видели воплощение слов Иисуса Христа в жизни батюшки.

Это был живой голос свидетеля любви, голос сострадания ближнему. Духовные чада вспоминали, что, когда старец говорил проповедь, время как бы останавливалось, и им казалось, что они лично присутствуют на казни Иисуса Христа, видят Голгофу, апостолов, Пречистую Матерь Господа.

А.М. Одынецкий из Сум: «Отец Серафим проповедовал за каждым своим богослужением. По содержанию его проповеди, казалось бы, мало чем отличались от тех, которые можно услышать от каждого семинарски образованного священника. Но, как сказал апостол Павел, «слово мое и проповедь моя не в словах человеческой мудрости, а в явлении духа и силы». Таковой и была сила проповеднического слова отца Серафима. Речь его была тихой и ровной,

каждое его слово исходило как бы из самого сердца, преисполненного Божиим Духом и любовью к своей пастве, ищущей от него наставления и поучения.

Проповедуя, отец Серафим всегда плакал. Я не помню ни одной проповеди, которую бы он произнес без слез. Это были слезы умиления и сокрушения, слезы человека, глубоко осознающего свое недостойнство перед Святостью Божией. Чувствовалось, что, когда отец Серафим говорил о «грехах и беззакониях наших», а об этом он говорил постоянно с целью возбудить у слушающих покаянное настроение, он имел в виду не только грехи других, но и свои грехи. Он не отделял себя от своих братьев и вверенных ему Богом духовных детей. Он не возвышал себя и не стремился господствовать над ними и высокомерно поучать, а плакат вместе с ними... Проповеди отца Серафима производили большое впечатление не внешней красотой. Нет, в них не было того, что называют обычно красноречием. В них не было витиеватости, искусственной напыщенности и многословное™. Они действовали на сердца слушателей духовностью, глубокой искренностью и простотой, если угодно, жизненностью.

Чувствовалось, что каждое слово, произносимое отцом Серафимом, глубоко им прочувствовано, пережито на личном религиозном опыте, что он говорит не «изученными словами внешней человеческой мудрости». Он словно раскрывал свою душу глубоко верующего человека. Многие, слушая проповедь плачущего отца Серафима, тоже плакали. Бывали случаи, когда плакала с ним почти вся

церковь, как это было, например, в днепропетровском Троицком соборе перед его уходом из епархии. Святитель Иоанн Златоуст сказал: «Священник только уста открывает, а Дух Святой говорит». К батюшке эти слова вполне приложимы. Пребывание в Духе Святом делало его простую, смиренную, бесхитростную, но глубоко духовную речь поучительной, назидательной и вдохновляющей к покаянию.

Да, отец Серафим говорил не устами, а сердцем, не от себя, а живущим в нем Духом Божиим».¹

1 «Праведник наших дней». Богородский старец архимандрит Серафим (Тяпочкин). ООО Изд. дом «Деловые страницы». Москва, 2003 г.

Михаил Корнеевич Баденко из Никополя: «Я знал батюшку с двадцатых годов. Много раз слушал его проповеди. Такой задушевности, поучительности, такой простоты и глубины знаний, такой веры, какую он в нас вселял, я мало у кого из священников встречал».

Наталья Игнатова из Воронежа: «Его проповеди мы очень любили. Говорил он тихо, для всех доступно. При этом в храме наступала глубокая тишина. Люди всегда подходили к нему так близко, что было видно, как слезы катятся из его глаз».

По слову святителя Григория Богослова, отец Серафим «нуждался лишь в немногих словах потому что достаточно было самой жизни его для назидания». Проповедь отца Серафима была не в убедительных

словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы (1 Кор. 2, 4). Эту тайну любви Божией, которая учит без слов, познало сердце старца, и через него все приходящие люди приобщались к Ней.

Валентина Шушляпина, из Белгорода, рассказывает: «Батюшка говорит проповедь и сам плачет, вслед за ним начинают плакать все слушающие его. Однажды приехала к батюшке в Ракитное из Львовской области молодая женщина. Головные боли не давали ей покоя, врачи были бессильны помочь. Стоит в храме, вытирает платком слезы, непрерывно текущие из глаз, и говорит мне: «Ничего понять не могу. Приехала издалека с надеждой исцелиться, успокоиться, а тут и батюшка, и все плачут, вот и я плачу, не могу удержать слез, что происходит, понять не могу. Мне еще хуже стало. Стоять в храме тяжело, еще сильнее болит голова». Я ей отвечаю: «Посидите на скамеечке, отдохните и почаще приезжайте к батюшке, Господь поможет». — «Да, да, мне говорили об этом...» Она стала часто бывать у отца Серафима, исцелилась и уже не удивлялась, почему ста и все слушающие проповеди отца Серафима плачут. Ибо через слово отца Серафима душа воспринимала Духа Святого, приходила в смирение и очищалась через слезы покаяния». Сила пастырского слова отца Серафима была так велика, что ни одно слово, ни один звук не пропадали даром: все, что батюшка говорил в назидание, имело прямое отношение к тому человеку, с кем он беседовал. Отец Серафим читал душу человека, видел все душевные изгибы, раны, скорби. Его слово, согретое отеческим участием и любовью,

было целительным бальзамом для больной измученной души. Никто от него не уходил неутешенным, неободренным. У него для всех хватало отеческой любви, внимания и ласки, а главное — он горячо молился за всех.

Любовь Андреевна Колядина рассказывает: «Я была у батюшки на вечерней молитве в келлии. Он стоял на коленях, мы читали кто как, запинаясь, с ошибками. Батюшка никого не исправлял, тихо так стоял, склонив голову. Все продолжалось до часа ночи. Часто он молился до утра. Часа в четыре-пять - подъем и на общую молитву, и мы с ним».

«Мне посчастливилось быть у батюшки в келлии на утреннем правиле, — вспоминает Ольга Удалова. — Во время молитвы он стоял, и тело его было совершенно неподвижно. Такое впечатление, что старец как бы покинул его. Лицо, обыкновенно бледное, пламенело».

Батюшка как-то сказал, что хотел бы принять высший ангельский образ — схиму, самое лучшее, что мог бы желать для себя, ибо, возлюбив всем существом своим Господа, уже был человеком не от мира сего, но тут же прослезился и добавил, что ради своих духовных чад и страждущего в духовных болезнях народа он не может себе это позволить, потому что схима требует уединения ради непрестанной молитвы.

«Размышляя о духовном подвиге, — писал он епископу Хризостому. — благоговей пред ним и

соразмеряя свои и душевные и телесные силы, пред собой поставил вопрос: смогу ли достойно понести свой подвиг?

Сознавая свое недостойнство, я пришел к решению: с благодарностью Вашему Преосвященству свято хранить в сердце преподанное Вами святительское благословение на принятие мной схимы во время, когда почувствую потребность и решимость на сей подвиг. Как всегда, так и в сем полагаюсь на волю Божию».

Любовь и сострадание к ближнему не могли позволить отцу Серафиму оставить людей и уединиться в созерцательной молитве. Не затвор, а отвор благословил ему Господь до конца жизни, чтобы его сердце всегда было доступно любому страждущему, приходящему к нему. Он уподобился преподобному Захарию монаху, который за свое особое попечение о нищих странниках был прозван «отверстым»: «всем у него дверь отверста бяше». Он принял старчество как послушание и крест, зная, сколько страданий оно принесет ему.

Итак, отец Серафим всего себя отдавал ближним, чтобы спасти по крайней мере некоторых (1 Кор. 9, 22), которые услышат голос Церкви и покаются в своих грехах. Он пребывал в подвиге и до конца своих дней не оставлял креста, который возложил на него Господь: принимал людей, разрешал недоуменные вопросы, неопустительно служил в храме или келейно, вычитывая положенные по уставу

службы, иноческое правило, читал Священное Писание. Часто, особенно накануне двенадцатых праздников, он пребывал в молитве всю ночь. Один Бог ведает, как он мог в преклонных летах нести такой подвиг и когда он отдыхал.

Вот примерный распорядок дня старца, когда не было службы в храме (из воспоминаний Димитрия Тяпочкина, внука отца Серафима).

4.00-7.00 — подъем, келейная молитва.

7.00-9.00 — общая молитва.

9.00-10.00 — завтрак.

10.00-12.00 — отдых.

12.00-13.00, иногда до 15.00 — прием паломников и духовенства.

13.00-16.00 — келейная дневная молитва.

16.00-17.00 — обед.

17.00-19.00 — отдых.

19.00-21.00 — прием паломников и духовных чад.

21.00-22.00 — ужин.

22.00-23.00 — отдых.

23.00-01.00 — вечерние молитвы.

01.00-04.00 — ночной отдых.

В богослужебный день после келейной молитвы отец Серафим вместе со всеми людьми с 6 часов утра до 15.00 часов дня молился в храме, затем до 17.00 часов были обед и отдых, до 20.00 снова молитва в храме, затем — ужин и вечернее правило.

Когда батюшка сильно переутомлялся, то ложился ненадолго на кровать, не снимая сапог. Подремлет

пятнадцать-двадцать минут и — на молитву. Часто так и спал, не снимая сапог. Батюшка не исполнял молитву как долг, она была для него внутренней потребностью.

«Он сидит в садике в кресле, — вспоминает внук Димитрий, - цветут яблони, акации, аромат в саду. Смотрю на дедушку, вроде бы спит. На лице никаких признаков жизни, весь белый, опускаю глаза и вижу, что четки в его руках движутся. Я все еще в оцепенении, притронулся к его руке, а он открыл глаза и, как ни в чем не бывало, говорит: «Хорошо как в саду». И заплакал».

«Какое благо выше всего — прилепяться ко Господу и пребывать непрестанно в соединении с Ним», - пишет преподобный Иоанн Лествичник.

Отец Серафим так и жил перед Тем, в Ком была вся его жизнь. Он имел навык и потребность в непрестанной молитве, весь был благодарение и хвала Богу. «Утром дедушка, — вспоминает внук Димитрий, — выходя из кельи, громко пел: «Слава в вышних Богу и на земли мир». Это он так меня будил». Казалось, что молитва покаяния была ему не нужна.

Оставаясь в миру и живя в гуще народа, отец Серафим стяжал дух молитвы. «Это был святой отец, — говорил о нем архимандрит Трифон (Новиков), — о каких написано в древних патериках».

«Когда я впервые увидел отца Серафима, — пишет в своих воспоминаниях архимандрит Виктор

(Мамонтов), у меня было впечатление, что он только что вышел из египетской пустыни, где жил с великими духовными мужами, такими, как Антоний Великий, познавая тайны вечной жизни. Казалось, его место только там, в мире библейской тишины, там, где ничто не нарушало его глубокого созерцания Бога. У него был вид безмолвника, посвятившего себя полностью молитве. От него исходил мир и покой.

Он брал тебя в этот покой, когда благословлял, произнося едва слышно и очень медленно, как дуновение тихого ветра: «Б-о-г бла-го-сло-ви-т». Ты выходил в этот момент из времени и погружался в вечность, в покой Господа. Для меня это была встреча с реальностями уже не материального мира, а с душой, ставшей светом».

Священноначалие Русской Православной Церкви высоко оценило пастырские труды отца Серафима. В 1970 году он был удостоен сана архимандрита и правом служения литургии с отверстыми царскими вратами до пения «Отче наш...». В 1974 году получил право ношения второго креста с украшениями. В 1977 году награжден орденом Святого равноапостольного князя Владимира III степени, в 1980 году — орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени, а также Патриаршей грамотой к 60-летию служения в священном сане. Старец с благодарностью принимал эти знаки внимания со стороны священноначалия, хотя не придавал самим наградам большого значения. Звания, должности, награды его никогда не

интересовали, хотя он был удостоен всех наград, положенных пресвитеру, но больше всего он дорожил своим призванием. Внук Димитрий вспоминал, как однажды матушка Иоасафа укорила его за то, что он забыл поздравить отца Серафима со званием архимандрита и вторым крестом. Тогда, улучив момент по дороге из храма в келлию, он сказал: «Дедушка, поздравляю вас с новым званием и наградами!» Отец Серафим тихо ответил: «Митенька, Господь давно дал мне священный сан. Это и есть та высшая награда, которой я удостоился до конца своей жизни у Господа. Архимандритство, митра и прочие награды меня мало интересуют. Ведь я «поп-тихоновец»¹, как было написано в моем уголовном деле, и это настолько для меня драгоценно, что заменяет все награды». И добавил: «Слава Богу, что я не благочинный». От звания благочинного отец Серафим отказался».

1 Во время церковной смуты в 20-е годы отец Серафим, в отличие от раскольников, остался верен святителю Тихону, Патриарху Московскому и всея России.

Как-то внук Димитрий спросил у бабушки: «После архимандритства бывает епископство?» Он медленно ответил: «Да, епископство. Но не для тихоновца». Самыми лучшими наградами для отца Серафима были любовь к нему народа и горячая молитва верующих.

Бабушка пребывал в подвиге до конца своих дней

...Путь следования за Христом - путь Креста и самоотвержения и другого пути нет...
(Из проповеди архимандрита Серафима).

В последние годы батюшка стал заметно слабеть. Его силы были на исходе, да и непосильный труд давал о себе знать. Но, как и прежде, он старался сам служить Божественную литургию. По причащении Святых Тайн он оживал. Лицо его становилось светлым и благодатным. Для него уже миновали рубежи жизни, определенные человеку по слову Божию: "...дней лет наших... семьдесят лет, аще же в силах — осмьдесят лет" (Пс. 89, 10).

Батюшке шел 88-й год. Еще тремя годами раньше старец мог бы отойти в вечность: тогда он серьезно заболел, у него было двустороннее воспаление легких. Но по слезным молитвам его духовных чад Господь продлил ему жизнь.

Вот как рассказывает об этом Елизавета Константиновна Фофанова:

«Мы, белгородцы, приехали за три дня до начала престольного праздника. Батюшка был в тяжелом состоянии. Сказали, что он умирает. Мы на собранные пожертвования купили сорок больших просфор, сорок свечей и заказали молебен с акафистом. И все горячо, со слезами молились Спасителю, Царице Небесной, Святителю Николаю и преподобному Серафиму Саровскому о выздоровлении дорогого батюшки. И каковы были наши радость и благодарение Господу, когда батюшка

поднялся и служил литургию в день престольного праздника, 19 декабря! Позже отец Серафим сказал: «По вашим слезам и молитвам Господь оставил меня для вас: на год или на два, не знаю». Тогда, во время болезни, он сподобился благодатного посещения почитаемых и любимых им святых — преподобного Серафима Саровского, Святителя Николая и великомученицы Варвары».

Годы земной жизни старца завершались, душа его постоянно пребывала в молитве, в ней он черпал силы. Внешне он выглядел спокойным, ровным. Но очень часто глаза его были сосредоточенно печальными. Он благодарил Бога за все полученные от Него милости, оплакивал все свои прегрешения, готовился к переходу в Горний мир. До последних дней батюшка стремился служить у престола Божия и всей душой жалел народ Божий. В одной из своих проповедей он сказал со слезами: «Если я обрету благодать и милость у Бога, то и тогда, по отшествию своем, стоя у престола Господа, я буду молиться за вас, мои дорогие дети».

Уходя в алтарь, преклоняя свои старческие колени, отец Серафим молился, не замечая ничего окружающего, духом уносясь к престолу Того, Кому он посвятил всю свою жизнь. Лицо его в эти минуты сияло небесным светом. Весь его облик, как святого угодника Божия, вызывал невольное умиление и трепет своей надмирной чистотой и тихостью. Он молился всегда столько, сколько позволяли силы.

Однажды батюшка так обессилел после службы, что из храма в келлию его пришлось везти на тележке.

Незадолго до кончины, зная, что дни его земной жизни сочтены, батюшка пожелал, чтобы его похоронили у алтаря храма, с северной стороны, рядом с его келлией. Вскоре в нишах северной стороны храма были написаны иконы преподобного Серафима Саровского и святого великомученика Димитрия Солунского — Ангела Хранителя батюшки во святом крещении, а также святого мученика Иоанна Воина.

В последние недели Великого поста 1982 года отец Серафим тяжело заболел. Состояние его ухудшалось день ото дня, телесные силы покидали его. Он знал, что дни его жизни сочтены. Батюшка пожелал, чтобы его пособоровали. 26 марта архиепископ Курский и Белгородский Хризостом¹ в сослужении духовенства совершил над ним Таинство Елеосвящения.

1 Архиепископ Хризостом (Мартишкин; род. в 1934 г.) рукоположен во епископа Зарайского в 1972 г., с 1976 г. — епископ Курский и Белгородский, с 1986 г. — архиепископ Читинский, с 1990 г. и доньне — архиепископ Виленский. С 2000 г. — митрополит.

Никому не хотелось верить в неизбежность конца, все питали еще надежду на возможность выздоровления старца. Но после временного облегчения ему становилось хуже. Врачи находили его положение очень серьезным. Прикованный к постели, он уже не мог вставать и до последнего дня причащался Святых

Тайн. Состояние его духа было необычайно высоким. Молитва его не прекращалась. При нем дежурили близкие духовные чада. Сердце работало плохо, пульс прослушивался слабо. Все были в томительной скорби и старались ничем не нарушать покоя больного. Он лежал с закрытыми глазами, но рука его часто поднималась для крестного знамения, уста шептали молитвы. Батюшка всех узнавал, пребывал в ясном рассудке, но говорить ему, видимо, было уже не под силу. Глаза его изредка открывались и смотрели куда-то вдаль. Митрофан Дмитриевич Гребенкин вспоминает: «... Весь этот последний батюшкин Великий пост он лежал в постели, а я просидел у него. Так получилось, что мне приходилось все эти дни спать небольшими урывками, и я очень боялся, что не выдержу. К моему удивлению, мне почти не хотелось спать и чувствовал я себя очень хорошо. Батюшка все повторял: «Неусыпаемый ты мой». Он лежал и все время молился. Это было видно по выражению его лица и глаз, иногда я слышал, как он тихо говорил: «Ты моя крепость, Ты моя радость, Ты мой Бог...» Из воспоминаний Татьяны Александровны Цыганковой¹, врача Ракитянской районной больницы, зав. терапевтическим отделением. «Первое впечатление об отце Серафиме было одним из самых ярких, меня поразила необыкновенная сила и красота этого очень немолодого человека. Отец Серафим лежал на спине с приподнятым подбородком. Его греческий профиль на всю жизнь запечатлелся в моей памяти, и седые волосы, и длинные пальцы рук. Отец Серафим находился в глубоко бессознательном состоянии при

стабильной имодинамике наряду с другими объективными признаками, я об этом судила еще и потому, что на ногах у него были ожоги от грелки в виде пузырей. Мы сделали необходимые на тот момент инъекции лекарств, отпустили машину «скорой помощи», и я осталась рядом с отцом Серафимом. Не могу сейчас сказать, почему не уехала тогда со «скорой». Может быть, как мне казалось, своим присутствием я всеяла какую-то надежду на благополучный исход.

1 «Праведник наших дней». Белгородский старец архимандрит Серафим (Тяпочкин). ООО Изд. дам «Деловые страницы». Москва, 2003 г.

Всю ночь я наблюдала за больным, за изменениями в его состоянии. Он лежал неподвижно, будто пребывая и здесь с нами, и где-то далеко-далеко. Периодически его губы начинали шевелиться. Я не могла понять, что он шептал. Женщина, все время находящаяся с нами, разобрала слова какой-то молитвы. Я была потрясена этой способностью отца Серафима, находясь в критическом состоянии, не реагируя даже на укол иглы, продолжать молиться.

Это невероятно! К утру черты лица отца Серафима еще больше заострились, оно продолжало олицетворять силу духа. Жизнь как бы нехотя покидала это тело. К вечеру отца Серафима не стало».

Душа его готовилась к той очень важной встрече, которая неминуемо должна состояться у каждого — к встрече с великим таинством смерти.

Господу было угодно взять к Себе светлую душу отца Серафима в полной тишине в 17 часов 30 минут 19 апреля 1982 года, на второй день Светлого Христова Воскресения (в понедельник Светлой седмицы).

«После литургии мы совершали крестный ход вокруг храма, - вспоминает Клавдия Пожидаева, — все радостно восклицали: «Христос Воскресе!» Дверь в келлию батюшки была открыта, он слышал наши голоса, и мы радовались, что вместе с ним встречаем Праздников Праздник. Но все-таки на душе у меня было беспокойно.

Под пение в храме «Христос Воскресе» душа отца Серафима разлучилась с телом. Его земная жизнь завершилась Воскресением, Пасхой, Великое таинство перехода в вечную жизнь совершилось. «Жизни просил он у тебя» (Пс. 20, 5), и Ты дал ему ее, жизнь вечную.

Началась вечерня, мы были в храме. Зашла какая-то женщина и тихо сообщила, что батюшка только что умер. И как только она это произнесла, все растерялись, как будто онемели, только слышался тихий плач. Но служба не прекращалась. Минут через двадцать или пятнадцать нам с Леночкой разрешили войти в келлию и проститься с батюшкой, так как я срочно уезжала домой. Плохо помню, как и что было. Я увидела лежащего батюшку: лицо его открыли, оно было светлое, я поднесла к нему Леночку. Она обвила своей рукой его голову. Я поцеловала его в лицо, может быть, этого нельзя было делать, но я прощалась

с самым родным для меня человеком. Мне не хотелось уезжать домой и не хотелось отходить от него, но я понимала, нужно ехать за ребятами. Если они не побывают на его похоронах, то для них это будет очень тяжело».

Сразу же была отслужена краткая лития по новопреставленному. Затем тело почившего помазали крестообразно елеем, монах Леонид¹ облек его в погребальные одежды и приступили к совершению панихиды. После панихиды было непрерывное чтение Евангелия у гроба почившего. Быстро разнеслась весть о кончине отца Серафима и болью отозвалась в сердцах его почитателей. Всем им хотелось побывать около честных останков блаженно почившего старца и благоговейно приложиться к ним как к святыне. Ко гробу старца стекалось множество почитателей и духовных чад. Было послано более ста телеграмм с указанием даты погребения усопшего. Многие из духовных чад не смогли прибыть в Ракитное вовремя, так как во многих телеграммах кем-то была изменена дата похорон. Власти отменили на Ракитное рейсовые пассажирские автобусы в связи с якобы большой аварией на дороге. На поезда московского направления из Крыма и Кавказа не продавали билетов до Белгорода. Всем отвечали: «Мест нет». В Запорожье на вокзале у билетных касс собралась большая очередь, и некоторые пассажиры в недоумении спрашивали, почему столько желающих. Кто-то ответил: «Говорят, в Белгороде умер какой-то святой». Тот факт, что отовсюду и все, кто имел возможность, спешили ко гробу старца, чтобы

поклониться его останкам, показал, как действительно велика была семья его духовных чад и почитателей. Как он при жизни был дорог людям, так остался дорог и по своем успении.

1 Монах Леонид (Рыков; 1931—1985, в схиме Серафим) — духовный сын отца Серафима. В 50-е годы поступил в Киево-Печерскую лавру. После закрытия лавры в 1960 г. вместе с отцом Полихронием перешел в Почаевскую лавру, где архимандрит Полихроний принял схиму с именем Прохор. Монах Леонид был келейником старца Прохора до закрытия Почаевской лавры. Умер в Москве, погребен на Ваганьковском кладбище.

Тем временем при гробе старца ежедневно совершались панихиды и парастасы (заупокойные всеношние бдения), а приезжающие священнослужители служили еще литии, так что моление у гроба почившего почти не прерывалось, являясь как бы продолжением непрестанной молитвы самого отца Серафима. Можно сказать, что все три дня до погребения были временем неутихающей молитвы, которая, умиляя скорбные сердца осиротевших чад старца, вселяла надежду, что его светлый дух останется вечно живым и еще более близким для всех знавших его. Душа его упокоилась от дел своих в селениях, где жилище всех веселящихся о Господе.

21 апреля в среду Светлой седмицы архиепископ Курский и Белгородский Хризостом при большом стечении духовенства и мирян, преданных и любящих

чад отца Серафима, совершил Божественную литургию и отпевание по пасхальному чину. Неподдельное чувство скорбящей любви видно было на лицах собравшихся вокруг гроба. Если заупокойная служба сопровождалась рыданиями людей, чувствовавших себя осиротевшими, то в отпевании не было ничего скорбного: оно напоминало собою скорее светлую пасхальную заутреню, и чем дальше шла служба, тем это праздничное настроение у молящихся все росло и увеличивалось.

Чувствовалось, что от гроба исходит какая-то благодатная сила и наполняет сердца присутствующих неземной радостью. Для всех ясно было, что во гробе лежит святой, праведник, и дух его незримо витает в храме, объемля своею любовью и лаской всех собравшихся отдать ему последний долг. Владыка Хризостом обратился к народу со словом, в котором говорил о благочестивой жизни и высоком пастырском подвиге почившего. Перед погребением владыке передали в алтарь распоряжение властей, чтобы гроб с телом почившего батюшки не обносить вокруг храма, как это полагается по чину иерейского погребения. На это владыка ответил: «Передайте им, что я сам знаю, как нужно совершать погребение!»

Гроб с телом отца Серафима был благоговейно изнесен священнослужителями из храма, с пением пасхальных ирмосов обнесен вокруг него и поставлен для прощания у могилы, рядом с алтарем. Два дня шел дождь со снегом. Само небо как бы плакало о почившем старце. При погребении порывы ветра достигали такой силы, что буквально валили людей с

ног, и стихали только среди сгрудившегося в скорбном молчании народа, словно подталкивая собравшихся к прощальному месту.

Более двух часов шло прощание, из-за большого скопления народа не все желающие смогли подойти ко гробу. Среди провожающих были «блюстителю порядка» в штатском. Остерегаясь их, некий фотограф влез на крышу сарая и оттуда незаметно бросал заснятые пленки жене. Осторожность была не напрасной: у всех оставшихся внизу фотопленки были изъяты и засвечены. Да и власти требовали «закончить все побыстрее». Наступили последние минуты прощания. Закрыли крышку гроба, с любовью и благоговением подняли честные останки в Бозе почившего старца и медленно опустили в могилу, выложенную дубовыми досками, а стены обложили кирпичом, «словно подземная келья», сверху прикрыли мраморными плитами, засыпали землей, воздвигнув деревянный крест — знамение победы Господа над адом и смертью. На месте упокоения старца затеплилась неугасимая лампада, возжжено множество свечей.

Боголюбивая душа отца Серафима отошла ко Господу, Которого он возлюбил от дней самой ранней юности, Которому служил безраздельно всю свою долгую жизнь, своими дивными делами прославляя Его: молитвой врачую неисцелимые болезни, отъеми всякую слезу от лица страждущих и изнемогающих.

Почил от дел своих праведник, умолкли уста, вешавшие слова любви и утешения, закрылись очи, с лаской и прозрением проникавшие в сердца людей, но его пламенный светлый дух дерзновенно молится Богу, как и обещал старец, за всех приходящих к нему. И невольно вспоминаются слова преподобного Серафима Саровского: «...Когда меня не станет, ходите, матушка, ко мне на гробик; ходите как нам время есть, и чем чаще, тем лучше. Все, что ни есть у вас на душе, все, о чем ни скорбите, что ни случилось бы с вами, все придите да мне на гробик, припав к земле, как живому, и расскажите. И услышу вас, и скорбь ваша пройдет. Как с живым, со мной говорите, и всегда я для вас жив буду».

Отец Серафим жив, любит нас, молится за нас и помогает нам, ибо «любовь, по слову преподобного Силуана, не может забыть».

Для отца Серафима смерти не было и нет: он никогда не разлучался с Богом.

Вот и к отцу Серафиму уже более двадцати лет приходят и приезжают в Ракитное в Никольский храм его духовные чада, проникнутые верой в силу и помощь молитв дорогого батюшки, чтобы в таинстве общения с ним на его могилке напитаться духом любви.

1 Справка: Дана протоиерею Тяпочкину Димитрию Александровичу в том, что он в 1917—1918 учебном году состоял студентом Московской Духовной академии (основание: Памятная книжка Московской

Духовной академии на 1917—1819 учебный год. Сергиев Посад. Типография И.И.Иванова. 1917, с. 47, п. 95).

Сафроний (Макрицкий, иеродиакон). Белгородский старец архимандрит Серафим (Тяпочкин). 1894 – 1982. - М. : Техинвест-3, 2004. - 448 с. : портр.

Компьютерная база данных "Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы" составлена Сахаровским центром.

Региональная общественная организация «Общественная комиссия по сохранению наследия академика Сахарова» (Сахаровский центр) решением Минюста РФ от 25.12.2014 года №1990-р внесена в реестр организаций, выполняющих функцию иностранного агента. Это решение обжалуется в суде

